

A detailed cyberpunk illustration of a city street at night. The scene is filled with tall, dark buildings, glowing neon signs, and a hazy, purple and blue atmosphere. A lone figure stands in the center of the wet, reflective street, looking towards the horizon. The overall mood is mysterious and futuristic.

Нина Осмоловская

На перекрестках любви

Нина Осмоловская

На перекрестках любви

«Автор»

2024

Осмоловская Н. Н.

На перекрестках любви / Н. Н. Осмоловская — «Автор», 2024

Эта повесть о любви. О любви в разные годы жизни, о любви-страсти, любви-нежности, любви-привязанности. Эта книга - гимн стойкости и жизнелюбия. То, без чего сегодня нельзя прожить, так же как и сто лет назад. Все герои и события этой повести вымышленные, но все они могли бы иметь место в жизни любой семьи. Мне хотелось показать историю страны на примере одной семейной династии на протяжении более века. Желаю вам, чтобы вы не остались равнодушны к непростым судьбам моих героев!

© Осмоловская Н. Н., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Часть 1	6
Глава I. Татьянин день	6
Глава II. Москва златоглавая	28
Глава III. Последнее письмо	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Нина Осмоловская

На перекрестках любви

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятие.
Б. Пастернак

Часть 1

Глава I. Татьянин день

В доме было тихо. Ольга сидела за пианино и лениво наигрывала простенькие мелодии, которые учила в детстве. Она пыталась что-то сочинять, но это не увлекало, а главное, не отвлекало от одной навязчивой мысли, преследовавшей с раннего утра: «Приедет он или не приедет? А может быть, пришлет записку с кем-нибудь из прислуги?»

Ольга встала, лениво потянувшись и пошла в столовую; во всех движениях сквозила грациозность милой домашней кошечки. Часы пробили двенадцать раз. Был жаркий июльский полдень. В природе все замерло в ожидании вечерней прохлады, только звенела в углу одинокая муха, рассказывая о своих печалях и радостях.

На столе еще стоял самовар, не убранный после завтрака. Ольга налила себе чаю, взяла варенье. Свежесваренное, оно сохранило аромат лесной малины. Ягоды они собирали в лесу вместе с Борисом. Собственно, собирал их Борис и по одной ягодке нежно клал ей в рот, подобно заботливой маме-воробыхе, которая кормит своего воробышка. Борису нравилось смотреть на ее губы цвета этих малиновых ягод, нравилось кормить, она представлялась ему совсем маленькой и беспомощной, тогда он чувствовал себя взрослым главой семейства. Ольга смеялась, ловила ягоды на лету. Наконец эта детская беспечность и веселость утомили ее. Она ждала от Бориса решительных действий, но он не понимал этого или делал вид, что не понимает.

Вдруг, вспомнив, что маменька давно ждет их к обеду, девушка заторопилась домой. Борис что-то рассказывал ей по дороге, но она слушала невнимательно. Ее не волновали проблемы, связанные с охотой, службой и прочими чисто мужскими заботами. Ей вдруг захотелось броситься в высокую траву, раскинуть руки и лежать так, глядя в небо, на необыкновенно легкие июльские облака. Бесконечная гладь влекла за собой. Хотелось узнать: «А что же там, в небесной вышине?» «Царство Божие», – так говорила ей няня. И Ольга представляла райскую картину: солнечная поляна, вокруг деревья, не привычные для сердца березы и сосны, а южные – оливы или кипарисы, звучит тихая музыка, и люди в длинных белых одеждах медленно танцуют, играют на музыкальных инструментах. Но ей быстро становилось скучно от мыслей о такой идиллии, она легко возвращалась к своей жизни, радовалась, что может влюбиться, страдать и даже, если захочется, всплакнуть.

Маменька уже ждала их к обеду. Она была красива той увядающей красотой, которая появляется у женщин годам к сорока, когда все краски лица несколько теряют свой первоначальный блеск, но зато появляются новые, несущие в себе доброту, мягкость, житейскую мудрость. Черты лица и фигура Татьяны Николаевны заметно округлились, но это не портило впечатления, наоборот, хотелось прижаться к ней, спрятаться в складках платья и забыть все свои печали. В движениях и манерах женщины сквозила уверенность и одновременно усталость. Та легкая усталость от жизни, которая бывает лишь во второй ее половине, когда человек уже прочно ощущает свое место в этом мире. Семейная жизнь давно катится по проторенному пути, дети выросли, а муж вряд ли может чем-то удивить. В таком возрасте и происходят у женщин самые бурные и страстные романы, которые и не снились молодым.

Татьяна Николаевна Воропаева была из небогатого, но очень древнего рода, что являлось предметом гордости ее супруга Артема Сергеевича Воропаева, так как его купеческому званию и богатству как раз не хватало этого дворянского шарма. Артем Сергеевич умел много и хорошо работать, поэтому быстро богател. Свой досуг он проводил по большей части в мужской компании, обсуждая выгодную сделку или политические события. Его так влекли эти

деловые разговоры и переговоры, что он не представлял для себя другой жизни. Постоянно что-то покупал, продавал, помогал другим продать или купить, за что и пользовался законным уважением и почетом. Мужчина много ездил по другим имениям, любил попробовать у себя те новшества, что видел и одобрял у соседей. В молодости он охотно брал с собой молодую красавицу жену, но ей скоро наскучили соседские помещицы с их дочками и разговоры только о платьях, ценах и женихах.

Светские приличия требовали присутствия Татьяны Николаевны на балах у губернатора. Она тщательно к ним готовилась, шила необыкновенные наряды. Артем Сергеевич следил за тем, чтобы платья были дорогими и модными. Ему нравилось ловить восхищенные взгляды других мужчин, обращенные к его жене. Татьяна Николаевна, человек по натуре замкнутый и тихий, не любила ни этого парадного блеска, ни завистливых взглядов, но природная грациозность манер, переданная через многие поколения родовитых потомков, выделяла ее из местной знати.

Когда она, держа под руку мужа, входила в зал, все невольно обращали на них внимание, будто неведомый ореол таинственности окружал эту пару. Многие мужчины в городе отдали бы свои состояния за честь быть рядом с этой необыкновенной женщиной. Ее улыбка, приветливая и кроткая, не оставалась на лице дольше, чем положено этикетом. Она охотно танцевала с приглашающими мужчинами, но никому не отдавала предпочтения. Эта таинственная холодность возбуждала мужчин. Они бились об заклад, кому достанется в любовницы эта красотка, каждый старался придумать романтическую историю, которая произошла между ним и Татьяной Николаевной, но все понимали, что это было только хвастовство, стремление выдать желаемое за действительность.

Татьяна Николаевна была очень музыкальна, грациозна и в танцах отличалась от остальных дам. Поэтому любой кавалер, танцующий с ней, был как бы обрамлением этого цветка. Пока жена танцевала и ловила на себе восхищенные взгляды, муж, Артем Сергеевич, развлекался карточной игрой или обсуждал политические новости за рюмкой водки.

Мужчины наперебой пытались ухаживать за Татьяной, говорили комплименты. Женщине, конечно, нравилось это внимание. По молодости даже несколько раз показалось, что это была искренняя любовь. Но с годами она поняла, что является лишь лакомой добычей и мужчины хотят только одного: завоевать ее и потом часами обсуждать между собой, как они смогли добиться этой победы. После нескольких дней ухаживания ей становилось скучно, потому что все они были как будто по одному сценарию. Даже текст любовных записок был однообразен, словно его переписывали из тетради в тетрадь.

Надо сказать, что замуж Татьяна вышла по любви. Артем был старше на десять лет. Они встретились на новогоднем балу, куда вывела ее маменька. Он не сводил с нее глаз, боялся подойти и пригласить на танец. В конце вечера, когда девушка проходила мимо, Артем только склонился в поклоне перед ней и маменькой. Он в то время уже был преуспевающим купцом, дела его шли в гору, удача сопутствовала во всем, и эта встреча с будущей женой – а то, что она станет его женой, он решил с той самой первой минуты, как только увидел красавицу Танюшу, – стала самой большой победой в его жизни.

Артем поселился в доме напротив. Часто его можно было видеть стоящим у окна, он ловил каждую минуту, чтобы взглянуть на любимую. Артем долго не решался прийти в дом своей будущей невесты. Друзья смеялись над ним: «Артем, сколько женщин в городе мечтают о тебе и твоём богатстве, а ты, как школьник, краснеешь перед одной». Их официальное знакомство состоялось на удивление просто и буднично: он приехал поздравить все семейство по соседски с Пасхой, оставил визитную карточку и подарки у швейцара, но мать Танюши, зная уже о необыкновенной застенчивости Артема Сергеевича, предупредила прислугу, что, если он придет с поздравлениями, немедленно проводить наверх.

После недолгого разговора с родителями девушки Артем признался в своей горячей любви к Танюше и просил ее руки. Родители решили спросить согласия у дочери. Она вышла к столу, раскрасневшаяся от волнения и неожиданности всего происходящего. Ей давно нравился этот молодой человек, и она, втайне от маменьки, следила за всеми его передвижениями из своего окошка. Но ей он казался недостижимым красавцем, и она могла лишь мечтать о замужестве с таким богачом, так как у родителей не было достаточных средств для приданого. Однако дело сладилось легко, и уже в начале лета молодые обвенчались и уехали в Танюшино родовое поместье.

Их жизнь с самого начала была похожа на сказку. Они были как две половинки, слившиеся в единое целое. Весь медовый месяц не разлучались ни на минуту. Танюшины родители не могли нарадоваться счастьем единственной дочери. Но месяц закончился, Артема ждали дела, пора было перебираться в город. Пока мужа не было дома, Татьяна не находила себе места, не могла ничем заниматься, ждала его, как верный пес ждет у двери своего хозяина. Когда он приходил домой, она выбегала на крыльцо, бросалась на шею мужу, оба весело хохотали и были так счастливы, как бывают только дети.

Известие о беременности жены вызвало неописуемый восторг у Артема Сергеевича. Он завалил ее подарками и цветами.

Беременность протекала тяжело, и Татьяна Николаевна только молила Бога, чтобы он помог ей доносить ребенка. Артем Сергеевич мечтал о сыне, которому он передаст свое дело, а Татьяна Николаевна уверяла, что будет девочка, такая же красивая, как она. Осенью Татьяна Николаевна благополучно родила девочку, которую назвали Ольгой, в честь матери Артема. Девочка родилась маленькой и слабой. Татьяна Николаевна днем и ночью не отходила от детской кроватки, выхаживая малютку. Артем Сергеевич, как только увидел дочь, понял, что это крошечное беспомощное существо он любит ничуть не меньше, чем свою Танюшу. Но это была уже совсем другая любовь. Он покупал дочери самые дорогие игрушки, а если она болела, приглашал лучших врачей. Девочка росла красивой и ласковой, очень похожей на мать.

Шли годы, но мечта о сыне не оставляла Артема Сергеевича. Он возил Танюшу к врачам, лечил на водах, но ничего не помогало. Со временем Артем Сергеевич смирился и отдал всю любовь своим «крошкам», как он ласково называл девочек. Ольга тоже очень любила отца, он казался ей таким сильным и надежным. Он знал все и обо всем. Представляя себе встречу со своим будущим избранником, она мечтала, что он будет так же красиво ухаживать за ней, как папенька за маменькой.

Ольга училась в гимназии не очень усердно. Из всех наук больше привлекали уроки литературы, рисования, музыки. Математику она не любила. Этот предмет пугал обилием цифр. Она с большим трудом пыталась выучить теоремы, и каждый экзамен приводил ее в неописуемый ужас. Девочка боялась, что выгонят из гимназии, чем она очень огорчит любимого папеньку, и поэтому готовилась к экзаменам задолго и очень тщательно. Зато иностранные языки давались ей легко. Она свободно говорила по-французски. Из-за легкой картавости великолепно звучали слова, где надо было грассировать. Ольга ничем особенно не выделялась в классе, у нее не было близких друзей, со всеми она была ровной и тихой. Учителя любили ее за спокойный нрав, за то, что она не причиняла им хлопот. Но было заметно, что девочка живет богатой внутренней жизнью, никого не впуская в свой мир. Только маменька была верной подружкой. С ней они могли часами обсуждать новости гимназической жизни, ходить в магазины, выбирать фасоны нарядов и заказывать их у модистки.

Когда Ольге исполнилось семнадцать лет, маменька стала подумывать о потенциальном женихе для дочери. Надо было обязательно выводить дочь в светское общество, иначе она могла просто упустить хорошую партию. Татьяна Николаевна все чаще обсуждала с мужем проблемы взрослеющей дочери. Ее пугала мысль, что рано или поздно дочь уйдет от них и

будет любить кого-то еще так же преданно и нежно, как она сейчас любит своих родителей, но, с другой стороны, матушка понимала, что нельзя остановить жизнь.

Они ходили в гости к подругам Татьяны Николаевны, у которых тоже были взрослые дочери и сыновья, но Ольга сидела тихо, почти не говорила, только слушала. Ей, как и маменьке, были неинтересны эти разговоры о моде, о нарядах, о молодых людях.

Скоро должен был состояться новогодний бал у губернатора, и все светские дамы только и жили в предвкушении этого праздника. Мать и дочь Воропаевы тоже готовились к этому событию, тем более что это был первый бал для Ольги. Она должна была впервые предстать перед теми потенциальными женихами, что приходили посмотреть и выбрать богатых невест. Она считала себя не очень красивой девушкой, этакой маленькой серой мышкой, и очень боялась, что придется быть на глазах у сотни людей, говорить с ними, что-то объяснять, с кем-то танцевать. Ольга брала уроки танцев, и учитель очень хвалил ее за грациозность и чувство ритма.

Маменька была озабочена выбором наряда для дочери, она остановилась на нежно-розовом платье с открытыми плечами, украшенном маленькими розочками. Платье как нельзя лучше подходило Ольге. Когда она предстала в нем перед отцом, кокетливо играя веером, Артему Сергеевичу показалось, что это его Танюша, так же, как и двадцать лет назад, околдовала его красотой. У него, как у любого отца, появилось чувство ревности, что кто-то чужой может грубо сорвать этот нежный цветок или обидеть его обожаемую Оленьку. Ему стало жаль, что она уже выросла и перестала быть тем беспомощным ребенком, кого он носил на руках и баюкал в кровати.

Татьяна Николаевна тоже очень тщательно готовилась к этому вечеру, она должна была вывести в свет свою дочь, быть рядом с ней, подчеркивать ее красоту. Она сшила себе темно-коричневое платье из бархата, которое так красиво смотрелось рядом с нежно-розовым нарядом дочери и удачно обрисовывало фигуру женщины. Одним словом, это был удар по светским молодым людям их города.

Наконец настал долгожданный день. Бал был назначен на пять часов вечера. С утра маменька с дочерью очень волновались, и только Артем Сергеевич был совершенно спокоен, настолько он был уверен, что его «крошки» будут самыми красивыми. Они ехали по городу, шел крупный снег, деревья стояли запорошенные. Ольге казалось, что все это происходит словно не с ней и что обязательно должно случиться что-то необыкновенно хорошее.

Перед домом губернатора было множество колясок, и они все прибывали и прибывали. Окна горели яркими огнями. На улице стояли толпы прохожих, желающих просто поглазеть на красиво одетых людей. В доме звучала праздничная музыка.

Папенька взял под руки своих девочек и повел их в дом. Веселье было в разгаре. Работал благотворительный базар, где очаровательные молодые девушки продавали всяческие новогодние безделушки серьезным молодым людям, называя цены, во много раз превышающие реальные. Ольга узнавала в этих веселых продавщицах своих подруг, но, когда и ей предложили принять участие в торговле, – наотрез отказалась. Они прошли в танцевальный зал, там группами стояли дамы и кавалеры, неторопливо беседуя. Папенька подвел жену и дочь к подруге Татьяны Николаевны и поспешно удалился в другую комнату, где мужчины вели серьезные политические беседы.

Ольга огляделась вокруг, и перед глазами стало пестро от обилия красочных нарядов дам и военных мундиров молодых людей. Она впервые была в обществе, где столько мужчин, да еще и красивых. Девушка ловила на себе их взгляды, понимала, что нравится им, краснела и волновалась еще больше. В эти минуты ей больше всего хотелось спрятаться или убежать домой, заниматься каким-нибудь привычным делом. Но в то же время она ощутила совершенно новые мысли и чувства, не испытанные ею до сих пор. Она поняла, как приятно ловить на себе восторженные взгляды молодых людей. Ее увлекал хоровод молодости, любви, веселья.

Она поняла, как долго ждала этого мига, как копила в себе нерастрченную женскую силу и что сейчас она должна выплеснуть ее, буквально всю, до последней капли, иначе она просто взорвется, лопнет, как мыльный пузырь. Она вдруг с ужасом подумала: «Что будет, если меня не пригласят на танец и придется весь вечер вот так простоять рядом с маменькой?»

Ольга в тот вечер сделала для себя еще одно открытие, сильно взволновавшее ее. Она заметила, как мужчины смотрят на маменьку. Это была настоящая женская ревность: как можно смотреть так на маменьку, у которой есть любимый муж, и потом, она уже была немолода, как казалось Ольге с высоты ее семнадцати лет. Ольга готова была умереть от тоски, от своего несчастья. Ей теперь казалось, что все смотрят на нее и обсуждают, какая она некрасивая, невидная в своем нелепом платье.

Спас положение, как всегда, Артем Сергеевич. Он подошел к своим дамам с симпатичным молодым человеком и представил его:

– Георгий Малахов, поручик Семеновского кавалерийского полка.

Артем Сергеевич представил дам. Георгий сразу уловил настроение Ольги. Но вот словно солнце озарило ее лицо, и глаза, лучистые и светлые, сразу ожили. Вот радость, наконец-то и ее заметили, представили такому блестящему молодому человеку.

Георгий вежливо спросил у Ольги, на какой танец он мог бы ее ангажировать, наверное, все танцы уже расписаны, но, может быть, для него найдется хотя бы один. Ольга кокетливо посмотрела на своего кавалера и с деланным равнодушием ответила, что вот именно следующий танец свободен и она может воспользоваться приглашением.

Следующей была мазурка. Ольга хорошо танцевала, и Георгию было с ней легко. Он уверенно вел ее в танцевальном кругу, а военная форма и выправка выгодно выделяли его из круга штатских мужчин, поэтому в зале все невольно обратили внимание на эту пару.

Тем временем Татьяна Николаевна тоже не стояла возле дам. Ее наперебой начали приглашать знакомые и незнакомые мужчины. Артем Сергеевич, довольный тем, что его девочки не скучают, а наоборот, имеют бешеный успех, удалился со спокойной совестью играть в карты со своими приятелями. Все эти танцы, прыжки, ужимки были не для него, он предпочитал мужскую компанию.

Ольгу уже наперебой приглашали другие кавалеры, и она не отказывала. Танцевала она так грациозно, что казалось, это большая красивая бабочка порхает по залу. Она только удивлялась, откуда берутся силы, будто она копила их все свои семнадцать лет.

Когда всех позвали к ужину, маменька уже не танцевала, она устала и стояла в компании своих знакомых. Ольга подошла к ним, все поздравляли с необыкновенным успехом, говорили комплименты, хвалили. Она была так довольна, что готова была разрыдаться, но теперь от счастья. Только одно новое неприятное чувство омрачало веселье – это чувство ревности к матери. Почему та пользуется не меньшим, а даже большим успехом, чем она? Но Ольга упрекнула себя за эти мысли, нехорошо так относиться к любимой маменьке, ведь она так рада за дочь, так любит и гордится ею.

Георгия посадили рядом с Ольгой, и тот красиво ухаживал за девушкой. Ото всей этой новогодней кутерьмы, веселья, тостов и выпитого вина у Ольги закружилась голова, ей на мгновение стало плохо. Артем Сергеевич заметил бледность дочери, и, как только закончился ужин, они тихо, ни с кем не прощаясь, пошли к выходу. Ольге не хотелось уходить, было жаль, что закончилась эта сказка, она чувствовала себя Золушкой, которой надо скорее убежать с бала, чтобы не успеть превратиться в девушку-замарашку. С другой стороны, она понимала, что ей уже просто не хватит сил, чтобы продолжать веселье, поэтому она была вновь благодарна папеньке, который понял ее и спас во второй раз за этот вечер.

Татьяна Николаевна тоже не хотела уходить с бала, но усталость брала свое.

Вернувшись домой, Татьяна Николаевна и Ольга быстро разделись и легли спать. Им снились красивые шумные сны с обилием танцев, развлечений и фейерверков.

Все проснулись поздно и поэтому завтракали около двух часов, весело обсуждая и вспоминая перипетии вчерашнего бала. Папенька рассказывал, какой фурор произвела на всех его любимая Оленька, даже сам губернатор обратил на нее внимание! Ольга будто вновь пережила все свои радости и страхи. Ей казалось, что она уже стала совсем другой и что от прежней тихой, застенчивой Оленьки не осталось и следа. Теперь это новая взрослая барышня, которую интересуют сверстники – молодые люди, и она уже не может жить вот так тихо, рядом с маменькой, слушаясь ее во всем.

Словно появившаяся из куколки бабочка, Оленька поняла, что настало время, пробил час, она не сможет жить как прежде, в ней проснулась женщина, и она хочет страдать и бороться за свое счастье, за свое будущее.

Татьяна Николаевна смотрела на дочь и еще не видела в ней больших перемен. Ей казалось, что успех дочери был несомненен, что не могло быть иначе и теперь Оленька должна найти хорошую партию, а она, мать, должна ей в этом помочь. За завтраком они обсуждали молодых людей, которые были на балу, спорили, кто из них лучше, как будто все они сделали предложение Оленьке и надо выбрать самого достойного.

Артем Сергеевич понял свою задачу: нельзя все пускать на самотек, от него во многом зависит судьба дочери. Очень важно, кого он приведет в дом и кто станет потенциальным женихом.

Жизнь постепенно входила в свой привычный ритм. Ольга училась. Маменька сидела дома в ожидании лета, чтобы можно было уехать в имение, «на волю», как любила она говорить.

В начале лета вновь был бал у губернатора, он назывался «сиреневым», потому что в это время повсюду цвела сирень. Весной Татьяну Николаевну одолевало какое-то душевное томление, все труднее было оставаться в городе, хотелось в лес, к реке.

Ольга же, наоборот, ждала этого бала, ей хотелось вновь почувствовать свою силу, свою власть над мужчинами, играть с ними, как кошка с мышкой. Снова они с маменькой шили модные платья, обсуждали, кто будет из молодых людей. Все было так же, как на новогоднем балу, и вместе с тем совершенно по-другому, потому что Ольга была уже не та молоденькая стеснительная особа, а светская львица, готовая укунить каждого, кто обидит своим невниманием. Уже и взгляд у нее был совершенно другой, и манеры, и походка.

Георгий тоже был на балу, их полк все еще квартировал в городе. Они с Ольгой встретились как старые знакомые, долго беседовали, обсуждая произошедшие события. Он представил Ольге своих друзей по полку, они танцевали, беседовали и снова танцевали.

Татьяна Николаевна не узнавала свою дочь: из тихой, замкнутой девочки она превратилась в очаровательную оболстительницу, и делала это так игриво и незатейливо, как будто всю жизнь только этим и занималась. «Да, дочь стала уже совсем взрослой, скоро восемнадцать, а там и замуж пора отдавать», – подумала Татьяна Николаевна. Другого пути для дочери она даже не представляла. Ей не приходило в голову, что Ольга может поехать учиться дальше, пойти работать учительницей или фельдшерницей. Путь был только один – выйти замуж, родить детей и заботиться о муже. Такой жизнью жила мать Татьяны Николаевны, сама Татьяна Николаевна, так же будет жить Оленька. Замужество должно быть обязательно счастливым, иначе просто быть не может.

В конце весны Ольга сдала выпускные экзамены в гимназии. Она была так рада, что закончила ученье, ее даже не волновали оценки, главное, что теперь не придется зубрить математические правила, не надо вставать рано утром и отправляться в гимназию, не надо терпеть многих ненавистных ей учителей. Было, конечно, несколько преподавателей, с кем было жаль расставаться, но эта потеря была не столь велика. Близких подруг у нее не было, поэтому особой грусти ни она, ни маменька не испытывали. Был и выпускной бал в гимназии, но он мало волновал Оленьку, ей хотелось поскорее уехать в имение.

И вот, наконец, долгожданный отъезд. Когда на пригорке показался знакомый дом, Татьяна Николаевна с дочерью даже всплакнули от счастья, что они снова в дорогих сердцу местах.

Лето было удивительно жарким. Без дождей трава быстро сохла и желтела. В имении служил новый управляющий, которым Артем Сергеевич был очень доволен. Дела в имении с его приходом заметно пошли в гору, он заботился и о постройках, и об урожае. Сенокос в этом году начался раньше обычного, и всюду пахло свежескошенной травой. Татьяна Николаевна с Ольгой много гуляли, писали этюды, музицировали, охотно принимали гостей. У нового управляющего оказалось много знакомых в окрестных деревнях, и все с удовольствием приезжали навестить их. Будто светская жизнь из города перекочевала в имение. Как никогда было шумно и весело. Студенты рассказывали о жизни в Москве и Петербурге, о проблемах, волнующих молодое поколение. Ольга слушала их с большим интересом, ей казалось, что она долго спала и только теперь начинает просыпаться и оглядываться вокруг, а там всюду жизнь: очень разная – то праздничная и богатая, то бедная и тяжелая. Она увидела, что крестьяне трудятся и днем и ночью, чтобы вырастить для них урожай, а они могут позволить себе ничего не делать целыми днями. Но все эти мысли ненадолго задерживались в ее милой головке. Она легко успокаивалась и думала, что у каждого своя судьба: кто-то рождается принцем, а кто-то – нищим.

В этом году они с маменькой с удовольствием наводили порядок в доме: расставляли по-новому мебель, вешали картины. Татьяна Николаевна увлекалась живописью, брала когда-то уроки рисования и теперь пробовала сама писать акварелью и маслом. Она обрамляла свои работы в красивые рамы, и от этого картины выглядели еще привлекательнее.

Дом был старинный, двухэтажный, построенный еще при бабушке Татьяны Николаевны. На втором этаже были хозяйские комнаты, внизу – огромная столовая, гостиная и помещения для прислуги. Вход украшали колонны, с обратной стороны открывалась большая терраса, ступени которой вели прямо в сад. За домом был разбит парк. Отец Татьяны Николаевны – большой любитель всякой иностранной экзотики – пытался выращивать самые диковинные растения, выписывая отовсюду семена и саженцы. Не все приживались, но он без сожаления бросал их и брался за новые. К крыльцу дома вела липовая аллея. Она была посажена при застройке, и ее прохлада услаждала уже третье поколение жителей усадьбы. Недалеко от дома был пруд с зеркальной прозрачной водой. По его берегам рос лес. А дальше разбегались поля и перелески. Тихая и милая сердцу красота этих мест рождала мысли о вечном и прекрасном.

Вечером мать и дочь садились за рояль. Это был старинный инструмент, доставшийся Татьяне Николаевне в наследство от бабушки. Он был прекрасно настроен, и звуки получались чистые и живые. Мать и дочь вкладывали в исполнительское мастерство все свои нерастратченные чувства и эмоции. Если Ольга была как весна, как распускающийся цветок, то Татьяна Николаевна уже отцветала, как бабье лето с буйным, но коротким цветением красок. Обе жаждали любви, неизведанных сильных чувств. Они не обсуждали этого, но настолько тонко понимали друг друга, что даже в воздухе витал этот тонкий аромат любви. Мать и дочь и внешне были похожи: невысокого роста, хрупкого телосложения, с большими выразительными серыми глазами. Если бы не легкая полнота матушки, они скорее походили бы на двух сестричек.

Деликатность Татьяны Николаевны не позволяла ей докучать дочери расспросами. Ночью каждая из них, запершись в своей спальне, читала любовные романы: их было великое множество в домашней библиотеке. Они обе видели себя на месте героинь этих романов. Вместе с ними переживали, страдали и ненавидели. Неудивительно, что в такой восторженной обстановке любой мало-мальски симпатичный и умный мужчина смог бы показаться тем сказочным принцем, о котором так мечтали эти две барыни.

В один из дней папенька привез с собой в гости молодого человека, представившегося как Борис Покровский. Ему было двадцать пять лет, он окончил юридический факультет Мос-

ковского университета и начинал карьеру юриста. Борис был хорош собою, а главное, умен. Не надо говорить о том, что обе барыни влюбились в него с первого взгляда. Высокого роста, темноволосый, над верхней губой щетинилась аккуратная полоска усов. Глаза у него были удивительного бирюзового цвета. Он был как живое чудо, как видение из сказки, посетившее их в глухой обители.

Борис был еще и прекрасный рассказчик, он не умолкал весь вечер, развлекая дам. Папенька был весьма горд собой, что привез в дом такого блестящего молодого человека. Ольга как будто онемела. Она за весь вечер не сказала и двух слов, зато Татьяна Николаевна ловко вела светскую беседу, пытаясь узнать у Бориса как можно больше о его семье. Самым важным было то, что он не женат.

В беседе выяснилось, что он тоже известного, но обедневшего дворянского рода. Его родители живут в небольшом поместье недалеко от Татьяны Николаевны, а их дом в городе находится совсем рядом с их домом. Удивительно было только то, почему они не встретились раньше. А когда Татьяна Николаевна еще выяснила, что их родственная линия глубокими корнями перекрещивается с родственной линией Бориса, то всем стало и вовсе спокойно на душе.

После ужина все расположились в гостиной. Мать и дочь привычно уселись за рояль, и зазвучала музыка. Двери в сад были открыты, и звуки будто выплывали из дома, тихо и нежно касались ветвей деревьев. Небо было усеяно звездами, и лишь полная луна вносила в эту идиллическую картину элемент мистики.

Борис был в том лирическом расположении духа, которое бывает у молодых мужчин в обществе двух красивых особ. Да еще после хорошего вина, в уютной домашней обстановке. Он удобно расположился в кресле, вытянув ноги, и застыл в мечтательной позе, закрыв глаза. Даже папенька, не вполне искушенный в музыке, понимал, что его «крошки» играют очень хорошо, и душа его наслаждалась отдыхом, семейным теплом и любовью к своим девочкам. Он устал за этот большой и тревожный день и теперь, убаюканный музыкой, тихонько похрапывал.

Усталость брала свое, и Борис тоже заснул там, где сидел, утомленный перипетиями дня.

Татьяна Николаевна остановилась. Ольга тоже перестала играть. Они увидели спящих мужчин и, не сговариваясь, рассмеялись, так забавна была эта картина: они стараются, исполняют трудные экзерсисы, а мужчины спят с милой улыбкой на устах.

Татьяна Николаевна разбудила мужа и отправила его спать. Борису постелили в комнате для гостей. Мать и дочь, пожелав друг другу спокойной ночи, тоже разошлись по своим спальням. Обе долго не могли заснуть, даже чтение не спасало их от мыслей о молодом барине.

Ольга, воспитанная матерью, была пронизана идиллическими фантазиями. Детство ее прошло среди природы. Она любила уединение, и теперь все романтические мечтания обретали наконец материальную форму.

Этот юноша совершенно перевернул их жизнь. Весь ужас положения состоял в том, что влюбились в него обе – и дочь, и мать. Только дочь могла выражать свои чувства открыто, а мать боялась не только вслух произнести имя молодого человека, но даже подумать о нем ей было страшно. Этот пламень, вспыхнувший в обеих чувственных душах, разгорался пожаром.

Ольга любила Бориса со всем пылом молодой души, ей казалось, что во всем мире есть только один человек – это он. Вокруг него вертится земля, а ее жизнь зависит только от одного – придет он сегодня или нет. Все остальное просто не имело смысла. Ей не хотелось есть, спать. Она была поглощена только одним – ожиданием Бориса.

Если он не приезжал, этот день просто выпадал из жизни, не стоило жить, радоваться, ведь возлюбленного не было рядом. Если он приезжал, то те минуты и часы, что они были вместе, казались целой жизнью. Она ловила каждое слово Бориса, все было значительным и важным. То, о чем он говорил, девушка запоминала наизусть и могла повторить слово в слово, даже с теми же интонациями.

Татьяна Николаевна видела перемены в дочери и понимала, что к ней пришла любовь и она, нервная и импульсивная натура, может просто заболеть от этого. Необходима была какая-то развязка. Если Борис не любит ее дочь, то для нее все это может кончиться просто трагедией.

Татьяна Николаевна поговорила с мужем. Артем Сергеевич тоже понимал, что дочь серьезно влюблена, но ему казалось, что Борис – не самая подходящая партия для Ольги, ведь тот был недостаточно богат. Артем Сергеевич не строил серьезных планов в отношении него. Однако слова жены испугали, он тоже волновался за дочь и мечтал видеть ее только счастливой.

В душе Татьяны Николаевны боролись самые разные чувства. С одной стороны, она понимала, что Ольга любит Бориса, но не знала, насколько его чувства серьезны по отношению к дочери. Но главным было не это, ее саму просто съедало чувство любви к этому молодому человеку. Она не понимала себя, не могла объяснить, как это случилось с ней, взрослой женщиной, которая любит своего мужа и горячо любима им. Но она, как молоденькая девушка, каждый раз ждала Бориса, так же, как и дочь, считала дни, минуты, часы до его приезда. Когда юноша появлялся в их доме, ее лицо расцветало в улыбке. Татьяна Николаевна была полна тем ощущением счастья и покоя, которое бывает только у очень любящих людей. Самое главное, что ни муж, ни дочь даже не подозревали о ее состоянии. Они принимали все это за волнения и заботы о дочери: мать хочет счастья для Ольги и готова сделать для этого все, что в ее силах.

Женщины в присутствии Бориса вели себя по-разному. Так, если Ольга сидела тихо, забравшись в кресло или на диван, и только смотрела да слушала своего любимого, внимая каждому его слову, то Татьяна Николаевна, наоборот, без умолку болтала на любую тему, лишь бы не иссяк разговор. Она умела так вести беседу, что любой человек мог раскрыть перед ней свои лучшие качества.

Борису нравилось рассказывать, так как обе хозяйки дома его заинтересованно слушали. Ему был приятен этот восторг двух женщин, внешне очень похожих одна на другую и таких разных по характеру и манере обращения с ним. Юноше было хорошо в этом доме, где царила атмосфера влюбленности. Он прекрасно видел, как загорались обе женщины, как они радостно бежали ему навстречу, как тепло и сердечно принимали его. Но сам он не испытывал серьезных чувств ни к Ольге, ни тем более к Татьяне Николаевне. Ему просто нравилось быть в центре внимания, он купался в любви, позволяя обеим женщинам восхищаться им. Борис не строил никаких матримониальных планов в отношении Ольги, он вообще мечтал жениться на очень богатой женщине, пусть там и не будет любви и это будет брак по расчету. Он хотел поправить денежные дела семьи, хоть немного порадовать родителей на старости лет спокойной и сытой жизнью, а главным его желанием было скопить хорошее приданое для младшей сестры, чтобы потом удачно выдать ее замуж.

Таким образом, получалось, что желания и планы у всех были разные.

Неизвестно, сколь долго продолжалось бы такое положение дел, но, как всегда, ситуацию должен был поправить Артем Сергеевич. Он решил поговорить начистоту с молодым человеком и выяснить его дальнейшие планы. В один из приездов он заперся в кабинете с Борисом и попросил его решить для себя вопрос: или молодой человек оставляет их дом и больше не приезжает, или объявляет о своем намерении жениться и делает предложение его дочери, потому как эта двусмысленность положения просто губительна для Ольги, которая так сильно его любит. Борис был озадачен сложившейся ситуацией. Ему не хотелось терять дружбу с этой семьей, но и женитьба на Ольге не входила в его планы.

Ни мать, ни дочь не знали о разговоре мужчин, они по-прежнему жили в водовороте своих чувств, читали романы, музицировали, и эта общая любовь объединила их в желаниях.

Артем Сергеевич очень волновался, ожидая решения, которое примет Борис. Труднее всего было Борису. Он уже привык к этим двум таким разным и в то же время похожим друг на друга женщинам. Он понимал, что вряд ли где еще найдет такое отношение со стороны и дочери, и матери. Но выбор тем не менее оставался за ним. Он решил поговорить со своими

родителями. Пусть они примут решение, и если одобряют и дадут согласие на брак, то юноше предстоит броситься «в омут с головой» и жениться, а если же, наоборот, будут отговаривать, то ему придется оставить гостеприимный дом Воропаевых.

Вечером, когда семья Бориса собралась на ужин, молодой человек решил начать разговор. Родители Бориса были люди очень разные и внешне, и по характеру. Отец, Николай Иванович, темноволосый, с карими глазами и пышными усами, с той молодцеватой выправкой, которая бывает у людей, посвятивших себя военному искусству. Голос у него был громкий, да и характер весьма суровый. Он привык командовать и дома, и в полку. Мать же, Наталья Дмитриевна, в противоположность ему была светловолосая, с голубыми глазами. Очень тихая и кроткая женщина, всю жизнь втайне боявшаяся своего мужа. Сестра Бориса, Анастасия, очень походила на отца, имела такой же властный характер. Она была моложе брата на десять лет, ей только исполнилось пятнадцать, но она уже руководила всем в доме, и только мнение и желание отца было для нее законом. Борис же внешне и по характеру был больше похож на мать.

Наталья Дмитриевна очень любила свою семью, она посвятила мужу и детям всю свою жизнь, но к Борису она относилась теплее и сердечнее, чем к дочери. Он был ей ближе и по душе, и по характеру. Она чувствовала, что сын ей будет надежной опорой на старости лет. Разговор за столом обычно шел между отцом и дочерью. Все остальные молча слушали. Вдруг Борис неожиданно произнес: «А как бы вы отнеслись к тому, что я надумал жениться?» – спросил он, и вопрос повис в воздухе. Мать удивленно посмотрела на Бориса, в глазах появились слезы, ей вдруг стало невыносимо жаль, что сын собирается уйти из дома и жить с другой женщиной. Отец тоже не без удивления взглянул на сына. «И кто же она, твоя избранница?» – строго спросил Николай Иванович. Борис тихо произнес: «Ольга Воропаева». «Это же дочь купца Артема Сергеевича Воропаева», – подтвердил отец. Все замолчали. Борис понимал, что в эту минуту решается его судьба, от воли отца будет зависеть вся его дальнейшая жизнь. Ему уже было жаль своей спокойной холостяцкой жизни, он ругал себя, что вообще начал этот разговор, но дело было сделано, слова произнесены, и оставалось лишь ждать приговора.

Отец откинулся на спинку стула. Ему было приятно, что сын оставляет за ним право решать, а не ставит перед фактом, мол, решил, женюсь, и все тут, как делают теперь молодые. Хотя иначе и быть не могло, ведь это он так воспитал сына, вселяя в него чувство долга перед родителями.

Николай Иванович знал Артема Сергеевича лично. Много слышал о нем хорошего, знал, что дела его идут в гору. Единственное, что смущало отца, – это то, что Ольга была купеческого рода, а они все-таки хоть обедневшие, но дворяне. Он сказал Борису, что хотел бы видеть его жену из дворянского рода, на что Наталья Дмитриевна заметила, что они приходится дальними родственниками Ольгиной матери Татьяне Николаевне, а те из древнего дворянского рода, но, к сожалению, обедневшего и утратившего былую славу, но тем не менее семья их очень хорошая. Она знакома с Татьяной Николаевной, а их дочь Ольга ей давно нравилась, и она будет счастлива, если сын на ней женится. Высказав все это, Наталья Дмитриевна даже испугалась своей разговорчивости. Муж строго посмотрел на нее и сказал: «Решение примем я и ее отец и скажем свой ответ через два дня. Я должен узнать поподробнее об этой семье».

Анастасия захлопала в ладоши, она очень любила брата и радовалась, что тот нашел свою судьбу и теперь женится. Ей казалось, что вопрос о помолвке уже решен, а значит, предстояло веселое многолюдное событие в их доме. «А где вы будете жить? А сколько за ней дают приданого? А любишь ли ты ее?» – вопросы сыпались один за другим. Отец сердито остановил дочь: «Я еще не принял окончательного решения, и поэтому никаких обсуждений раньше времени».

Наталья Дмитриевна тихо постучала в комнату сына. Войдя, она присела на краешек дивана рядом с ним, обняла за плечи и тихо заплакала: «Сынок, а ты хоть любишь ее?» – «Да, мама, она очень мне нравится, и семья такая хорошая, все ко мне добры и внимательны. Я думаю, что Ольга сможет сделать мою жизнь счастливой. Жаль только, что она не так богата,

как мне бы хотелось. Я всегда мечтал жениться на состоятельной женщине и обеспечить вас на старости лет». Наталья Дмитриевна испуганно возразила: «Да что ты, сынок, жениться на богатой – это было бы так унижительно для тебя, все бы подчеркивали твою нищету и вечно упрекали бедностью. Ты – мужчина и должен быть главой семьи, а зажиточные никогда не простили бы твое недостаточное благосостояние. Сынок, расскажи мне о ней, о родителях, о семье в целом». И Борис принялся неторопливо рассказывать.

На следующий день Николай Иванович отправился в город, чтобы встретиться с Артемом Сергеевичем в его магазине. Несмотря на соседство, они раньше не поддерживали отношений, но теперь судьбе было угодно не только их ближе познакомиться, но и породнить.

У Артема Сергеевича был собственный большой магазин, где продавалась и готовая одежда, и все для того, чтобы сшить ее. Там можно было подобрать и обувь, и сумку, и перчатки, и кучу всяких мелочей, которые так интересовали женщин. Магазин находился на центральной улице, витрины были модно украшены, у входа красовалась огромная сверкающая вывеска. В просторном зале было уютно и прохладно, ноги утопали в ворсе дорогого ковра, кругом висели зеркала в золоченых рамах, на полу и на столах стояли красивые букеты из цветов.

Мужчина вошел в магазин. Колокольчик на дверях мелодично известил о приходе покупателя. Навстречу заторопился молодой приказчик, любезно раскланялся и спросил, чем он может помочь. Николай Иванович строгим голосом попросил проводить его к хозяину. Приказчик поинтересовался, как представить. Николай Иванович лишь молча положил на поднос свою визитную карточку. Молодой человек предложил гостю сесть, а сам побежал наверх.

Артем Сергеевич неохотно оторвался от дел, прочел визитную карточку, недоуменно пожал плечами, не зная, что его может связывать с Николаем Ивановичем Покровским, но затем вспомнил, что это отец Бориса, и велел проводить его наверх.

Они были едва знакомы, но встретились как два старых друга, тепло пожали руки, и Артем Сергеевич велел принести им по рюмочке водки и закуску. Николай Иванович оглядел кабинет хозяина. Все в нем было добротное и аккуратно.

После первой рюмки начался обычный разговор двух отцов, которые счастливы соединить судьбы детей, раз уж так случилось, что они полюбили друг друга. В конце беседы договорились, что Николай Иванович с сыном приедут через неделю с официальным визитом просить руки Ольги, а там они решат и все проблемы, касающиеся свадьбы. Артем Сергеевич сказал, что лето молодые могут жить в имении Татьяны Николаевны, а зимой Николай Иванович заберет их в свой дом. Свадьбу удобнее отпраздновать в сентябре, и много гостей приглашать не надо. Договорившись обо всем, расстались мужчины почти близкими родственниками.

Борис взволнованно ждал возвращения отца, он мучил себя вопросами. Правильно ли он все делает? Так ли он любит Ольгу? А может быть, Николай Иванович передумает и запретит ему жениться?

Как только возле дома остановилась коляска и отец, тяжело ступая, спустился на землю, Борис понял, что дело сделано и он женится. Отец похлопал его по плечу и просто сказал: «С богом, сынок!»

Они прошли в дом, там уже накрывали на стол. Отец надел парадный мундир, все тоже были принаряжены и взволнованы. Николай Иванович встал, поднял рюмку коньяку и хорошо поставленным голосом произнес: «Ну что же, милые дамы и господа, дело сделано, пора уж и сыну обзаводиться своей семьей, я вполне одобряю его выбор, а мы получаем в семью еще одну дочь. Так что Вы, матушка, Наталья Дмитриевна, готовьтесь к свадьбе сына». Наталья Дмитриевна счастливо заулыбалась, что все так хорошо сложилось, ее мальчик берет жену из хорошей семьи, и они будут счастливы, а ей нарожают кучу внуков, которых она будет с радостью воспитывать.

Неделя пролетела быстро. Ольга и Татьяна Николаевна готовились к приезду Бориса так, будто от этого зависела вся их жизнь. Дом блестел, как начищенный самовар. Сад привели в порядок. Все хозяйство выглядело так, будто приезжает сам государь-император.

Дамы долго выбирали, что надеть, как принять гостей. Ольга просто потеряла голову от волнения: неужели вот так решится судьба и Борис, который вчера был долгожданным гостем, станет теперь ее мужем? В предстоящем замужестве пугало абсолютно все: одно дело читать романы и видеть папеньку с маменькой, у которых все просто и ясно, и совсем другое дело – Борис. Как они будут жить вместе? Будет ли он любить ее так же пылко и страстно, как папенька маменьку? Она вдруг подумала, что юноша ни разу толком не говорил ей ничего о своих чувствах, а может, она просто все придумала, и это как сон, как бред больного пройдет, и не останется ничего. Она плохо спала, все чаще убегала в лес и там, сидя на берегу пруда, думала, думала, думала... Маменька успокаивала дочь, говорила, что все так и бывает в жизни, всем страшно выходить замуж, но Борис очень верный и надежный, что она будет за ним как за каменной стеной.

Гостей ждали к обеду. Давно было составлено меню. Прислуга тоже волновалась, понимая, что это не совсем обычный визит. Ольга весь день сидела за роялем, не в силах ни ходить, ни стоять. Папенька надел парадный сюртук. Ольга была необыкновенно бледна, лишь яркие губы были заметны на лице, да и, конечно, глаза – они выражали всю гамму чувств и переживаний, наполнявших ее. Татьяна Николаевна, наоборот, покраснелась, выглядела как девочка, резво носилась из комнаты в комнату, отдавая поручения, и иногда казалось, что это к ней, а не к дочери едут сваты.

Артем Сергеевич сам встретил визитеров и повел в гостиную. Борис как будто не узнавал этот дом, так все были серьезны и строги. Сначала за столом воцарилась напряженная тишина. Ольга сидела, опустив глаза, не говоря ни слова. Она сразу понравилась Николаю Ивановичу своей красотой и скромностью, именно о такой невестке он мечтал. Воспитанный в старых, устоявшихся традициях, он не любил новомодных штучек. Так сватались его отец, дед и он сам, и вот теперь пришел черед сына.

Артем Сергеевич, как хозяин дома, предложил выпить за дорогих гостей, сказал, что очень рад видеть в доме Бориса и его отца, от всей семьи благодарит их за визит. Вскоре за столом начался обычный оживленный разговор, всем казалось, что они уже давно знакомы. Николай Иванович с удовольствием беседовал с Татьяной Николаевной и Артемом Сергеевичем. Ему нравилось, что Ольга не вступала в разговор, а лишь сдержанно отвечала, когда ей задавали вопросы.

Наконец наступил черед гостя произносить тост. Николай Иванович встал, откашлялся, все посмотрели на него внимательно. Он говорил долго, вспоминая историю своих родителей, вот теперь настало его время, и он просит Артема Сергеевича и Татьяну Николаевну выдать их дочь Ольгу за его сына Бориса.

Борис был взволнован не меньше, чем Ольга, но в этот момент он был просто уверен, что все делается правильно, он давно любит эту хрупкую девочку, будет ей верным мужем и отцом их детям. После слов Николая Ивановича все встали со своих мест, принялись радостно поздравлять молодых и друг друга. Началось оживленное обсуждение предстоящей свадьбы.

Ольга встала из-за стола, ей казалось, что она сейчас просто лишится чувств от счастья и торжественности момента. Борис извинился перед родителями, и они вышли в сад. Молча дошли до беседки. Вся увитая плющом, она была любимым местом их уединения.

Ольга прижалась к Борису, он ласково обнял ее, принялся пылко и страстно целовать глаза, губы, волосы. Поток его чувств хлынул на нее, как вода, которую сдерживала плотина и которая теперь, вырвавшись на свободу, лилась огромной, полноводной рекой. «Ты любишь меня?» – спросила Ольга, отстраняясь от его поцелуев. «Да, милая, да, я люблю тебя и прошу стать моей женой». – «Хорошо, я согласна, – просто ответила Ольга, – но поклянись, что ты не

обманешь меня, что всегда будешь рядом – и в горе и в радости». – «Да, милая, да», – опять целуя ее, твердил Борис. Они стояли, прижавшись друг к другу, и какая-то нервная дрожь передавалась от одного к другому. «Пусть эта беседка станет местом наших самых сокровенных разговоров, – сказала Ольга, – когда тебе надо будет сказать что-нибудь очень важное, мы будем приходить сюда, и она будет как шкатулка с секретами». – «Хорошо, милая, а пока я говорю тебе в этой беседке, что безумно люблю тебя». Ольга немного успокоилась, ей казалось, что сегодняшний день – самый счастливый в жизни, таких больше уже не будет, и даже предстоящая свадьба не так радовала, потому что там придется прилюдно выставлять напоказ свои самые сокровенные чувства.

Они долго бродили по саду, пока совсем не стемнело. Когда они вернулись в дом, на столе уже пытел самовар. Татьяна Николаевна разливала чай, говорили о видах на урожай, о погоде, о местных новостях. За чаем засиделись долго. Татьяна Николаевна с дочерью музицировали, мужчины слушали, безмятежно отдыхая. Все волнения улеглись, как бывает после шторма на море, когда наступает полный штиль.

Свадьба состоялась осенью, в конце сентября. Гостей было немного, молодых обвенчали в церкви, что была в имении Татьяны Николаевны. Все краски той поры были еще яркими, но чувствовалось уже приближение холодов, и пронизывающий ветер как будто сулил молодым перемены в их жизни и судьбе.

Ольга была необыкновенно красива в белом подвенечном платье. Будто сама невинность ступила на землю. С Борисом они были удивительно красивой и нежной парой. Даже священник старался больше обычного. Хор пел с особым чувством, и Ольге казалось, что она уже в царствие божьем, так ей было хорошо и спокойно.

Борис тоже испытывал умиротворенье. Ему жаль было расставаться с независимостью, но это было необходимо. Начинался новый период его жизни. Молодой человек смотрел на Ольгу и будто не узнавал ее: какое-то неземное создание стояло рядом с ним, и это была его жена.

После венчания они вернулись в дом, где были накрыты столы прямо в саду. Гости уже ждали и приветствовали появление молодых. Пиршество продолжалось несколько дней. Всем было весело и уютно в этом доме.

Сыграв свадьбу, молодые отправились в свое первое путешествие в Италию на весь медовый месяц.

Татьяна Николаевна очень скучала. Не было и дня, чтобы она не написала письмо дочери и не вспомнила о ней и зяте. Родители Бориса несколько раз приезжали в гости к Воропаевым. Татьяна Николаевна делала ответные визиты, и теперь они уже с Натальей Дмитриевной беседовали о детях, смотрели их фотографии, вспоминали какие-то смешные моменты из прошлого.

Наталья Дмитриевна очень гордилась своим сыном, по ее словам выходило, что лучше, нежнее, отзывчивее, чем ее мальчик, нет никого на свете. Борис с отличием окончил университет, был начинающим юристом, и все пророчили ему блестящую карьеру адвоката. Матери мечтали вслух, как Борис добьется известности и станет знаменитым, а Ольга, милая и ласковая, будет рожать ему детей.

Прошел месяц, дети вернулись, и жизнь постепенно входила в свою колею. Молодые жили в городе, в доме Николая Ивановича. Борис целыми днями был на службе, Ольга сидела дома. Она почти каждый день приходила в гости к родителям, ей не хватало домашнего тепла. Николай Иванович был крутого нрава, и все в доме подчинялось его воле и строгому распорядку, а Ольга не привыкла к такой жизни и с удовольствием убегала к маменьке. Та тоже очень радовалась приходу дочери, и они, как две подружки, весело болтали, музицировали, рисовали.

Борис тоже часто после работы заглядывал к своим новым родственникам. Ему нравилось, как Татьяна Николаевна радостно выбегала ему навстречу. В столовой начинались хлопоты: молодой барин приехал, надо было поласковее принять, повкуснее угостить его.

Ольга была более сдержанной, чем мать, она знала, что ее время впереди. Ей принадлежала ночь, под покровом которой совершались все таинства любви. Она немного ревновала мать к Борису, уж очень откровенно та показывала радость при появлении зятя, но Ольга понимала, что Борис ее, и только ее.

Их отношения улеглись, как река после половодья. Борис понимал, что Ольга всегда будет ему верной и преданной женой, что с ней не стыдно будет поехать и на бал к губернатору и представить своим друзьям и коллегам. Иногда же ему становилось скучно от этого однообразия, не хватало новизны, интриги, пугало, что вот так жизнь будет перетекать из дня в день. Борис теперь мечтал, что, сделав блестящую карьеру, он прославится в собственном городе, а потом его пригласят в Москву или Петербург.

Артем Сергеевич помогал зятю. У него было множество знакомых купцов, которым нужна была помощь юриста при заключении сделок, и он советовал обратиться к своему зятю, представляя его как опытного и знающего человека. Он уговорил Бориса заниматься банковскими операциями. В городе было несколько крупных банков, и он рекомендовал Бориса одному из своих знакомых директоров. Молодой человек пришелся ему по душе, и дела Бориса резко пошли в гору. От клиентов не было отбоя. Внешность и умение вести дела располагали к общению с Борисом, ему доверяли клиенты, а это было на руку и директору.

Через несколько месяцев работы он взял в банке большую сумму под проценты и решил купить собственный дом. Ольга очень обрадовалась этой идее, ей давно хотелось иметь собственное гнездышко.

Наконец, они нашли то, что хотели, – это был небольшой дом на одной из центральных улиц. Он требовал капитального ремонта и потому продавался недорого. Ольга сама руководила ремонтом. Она разбиралась не хуже папеньки, где и что дешевле и лучше купить для ремонта. Артем Сергеевич помогал ей деньгами и советами.

Через три месяца супруги праздновали новоселье. Приехали родители, сослуживцы Бориса, его университетские друзья, были и Ольгины подружки.

Она очень переменялась за это время, превратившись из тихой, скромной девушки в блестящую светскую львицу. В манерах и осанке появилось что-то новое: это была уверенность в себе и гордость за свой дом, свою семью. Она ходила от одной группы гостей к другой и была счастлива новой для себя ролью хозяйки дома. Артем Сергеевич радовался, как чудесно его дочь все устроила и как тепло и уютно в доме. Все гости пили за счастье в новом доме и за то, чтобы дом как можно скорее наполнился детскими голосами.

Татьяна Николаевна была в этот вечер несколько более задумчива, чем обычно. Ей нравился дом и все в нем, но казалось, что теперь дочь будет реже приходить к ней, а главное, что больше всего огорчало, это то, что она теперь будет реже видеть зятя – своего любимого Бориса. Он сильно изменился за короткое время, что был женат на Ольге, приобрел внешний лоск и строгость манер. Это уже был не тот веселый, бесшабашный мальчик, которого привез Артем Сергеевич к ним в имение, а солидный господин, буржуа среднего класса.

Татьяна Николаевна ловила себя на том, что она любит его и любит его не материнской любовью, как положено ей, а совершенно другой: он все больше волновал ее как мужчина. Она любила запах его одеколона, хорошего вина, дорогих сигарет, которые он стал курить с недавних пор. Всегда аккуратно одетый и красиво причесанный, он вызывал восхищение. Этого мужского лоска как раз не хватало ее мужу, но зато он был в избытке у зятя. С мужем все было просто и понятно – одним словом, буднично. Здесь же все было необыкновенно и загадочно.

Она вернулась в гостиную, там горели все люстры, было шумно и весело. Гости танцевали. Музыканты играли вальс. Борис подошел к Татьяне Николаевне и пригласил на танец. Она положила руку ему на плечо, он слегка прижал ее к себе и повел, кружа в вальсе. Его близкий и такой родной запах просто одурманивал. Она легко откинулась и танцевала, влекомая силой этого молодого человека, как маленькая послушная девочка. Он что-то говорил ей, дыша в самое ухо, но она даже не слышала, ей ничего не хотелось отвечать, а только вот так кружиться послушно в этом танце. Музыканты остановились, она продолжала держать его руку в своей, а глаза молили: пожалуйста, еще, еще! Он понял эту молчаливую просьбу и, не отпуская Татьяну, приглашал ее снова и снова.

Ольга танцевала с другими гостями. От нее не ускользнуло, что мать несколько раз подряд танцует с Борисом, и стрелы ревности снова укололи ее. Она пошла искать Артема Сергеевича, чтобы тот сам развлекал свою жену, не оставляя ее так долго одну.

Борис испытывал весьма странные чувства. Ему нравилась Татьяна Николаевна, но сегодня он понял, что эта женщина дорога ему не просто как мать Ольги. Это неординарная натура, в ней есть неведомая ему женская сила, которой не было в дочери, и что в ней сокрыто столько нерастраченной любви к нему, как к мужчине. Это открытие просто напугало его. Молодой человек понимал, что может стать невольным камнем преткновения между матерью и дочерью. Борис убеждал себя, что Татьяна Николаевна лишь его родственница, а у него есть любимая жена, которая верна и предана ему, как никто другой. Но злой демон, сидевший в нем, говорил язвительно: «Надо быть совсем дураком, чтобы не воспользоваться любовью этой женщины, с ней ты узнаешь такие тайны страсти, о которых даже не подозреваешь». Но здесь же возражала добродетель: «Как ты можешь думать о таком, ведь эта женщина старше тебя, и она мать твоей жены». Борис отбросил все эти мысли и решил: пусть все будет как есть, и он не собирается ломать жизнь обоим женщинам.

После новоселья молодые зажили своим домом. Ольга теперь каждую среду устраивала приемы. Это было сродни модным тогда литературным и музыкальным салонам. К пяти вечера в дом приезжали гости, это были и представители делового мира, нужные для Бориса люди, и приезжие знаменитости, которые гастролировали в их городе, и просто друзья, которых становилось все больше. В доме бывали и местные известные музыканты, и писатели, и поэты. Ольга тщательно готовилась к каждой такой встрече, продумывая все до мелочей, чтобы гостям не было скучно.

Татьяне Николаевне тоже очень нравились эти вечера, она с удовольствием помогала дочери и никогда не упускала возможности приехать. Ей было интересно участвовать в беседах, переходя от одной группы гостей к другой, но больше всего ей было приятно общество Бориса. Она слушала его, затаив дыхание, ей казалось, что все, что он говорит, было правильно, и она искренне недоумевала, как кто-то другой может оспаривать его мнение.

Потом все шли ужинать, после ужина мужчины усаживались за карты, а дамы продолжали музицировать или обсуждать светские новости.

Борису нравилось, как Татьяна Николаевна слушает и смотрит на него. Ее восхищение было удвоено и материнской любовью, и любовью просто женщины. Он все чаще ловил себя на том, что ему хочется более интимных отношений с ней, хочется обнять, прижать к себе. Как только начинались танцы, оба не упускали возможности насладиться ими вместе.

Татьяна Николаевна понимала, что влюбилась, влюбилась серьезно и ничего не может с собой поделать. Ее мучила совесть, она перестала спать по ночам, стала пить много снотворных таблеток. Артем Сергеевич, обеспокоенный ее здоровьем и тем, что жена худеет и бледнеет, решил отправить Танюшу на курорт. Сама мысль о том, что она будет вдали от Бориса, приводила женщину в ужас.

Началась зима. Готовился очередной новогодний бал у губернатора. Прошел всего год после первого выхода в свет Ольги, но как все изменилось в жизни. Она стала уверенной в себе

молодой красивой женщиной. Теперь она вошла в зал под руку с Борисом, все смотрели на эту новую блестящую пару с завистью. Как преобразилась эта тихая девочка всего за год! Теперь на вечерах у нее мечтало побывать все светское общество города.

За ними шли под руку Татьяна Николаевна и Артем Сергеевич. Она похудела, синие круги лежали под глазами, и в самих глазах появился какой-то новый, сумасшедший блеск. Артем Сергеевич был очень обеспокоен здоровьем жены, он пригласил к ней лучших докторов, те поставили диагноз: истощение нервной системы – и посоветовали уехать куда-нибудь в глушь или на воды. Муж считал главной причиной нездоровья жены те волнения, что она пережила в связи с замужеством дочери. Она, такая чуткая и очень восприимчивая, должна была обязательно отдохнуть.

Татьяна Николаевна сама понимала, что надо найти какой-то выход из сложившейся ситуации, ведь долго так продолжаться не может. Эта страсть к Борису просто сожжет ее. Может быть, действительно лучше уехать, забыть обо всем, а со временем ей станет легче, и она сможет побороть свои так неожиданно возникшие чувства. Ее тревожили смутные предчувствия, что все кончится плохо, ибо нельзя даже в мыслях обманывать мужа и дочь, так горячо любивших ее. Она каждый день молила Бога, чтобы он вразумил и освободил от этого дурмана.

Наконец Татьяна Николаевна поняла, что если она сейчас не уедет к себе в имение, то произойдет что-то страшное. Она спешно собрала вещи, и муж отвез ее в поместье, заранее предупредив управляющего, чтобы все было готово к их приезду. Ольга тоже хотела ехать с матерью, но Татьяна Николаевна категорически отказалась, убедив дочь, что она должна быть рядом с молодым мужем. Труднее всего женщине было прощаться с Борисом. Она обняла его, вдохнув в последний раз до боли знакомый запах, пытаясь сохранить воспоминание о нем на все грядущие дни.

Все шло своим чередом. В Ольгиной жизни ничего не изменилось. Артем Сергеевич много работал, а вечерами, скучая без жены, все чаще навещался к дочери. Борис тоже погрузился в работу, но каждый день ловил себя на мысли, что очень скучает без Татьяны Николаевны. Ему не хватало ее восторженности, без нее он чувствовал себя, как обиженный ребенок, которым только что все восхищались, а через мгновение забыли. Он вдруг почувствовал в себе непреодолимую потребность видеть Татьяну Николаевну, видеть немедленно, говорить с ней.

Он решил ехать в имение. Оставалось только придумать, под каким предлогом. Ольге он сказал, что едет по делам в усадьбу отца, благо что они находились рядом. Ольга обрадовалась и просила навестить мать. Она написала подробное письмо о своей жизни, о том, как скучает Артем Сергеевич, и отправила мужа.

Борис ехал по лесной дороге на санях, путь был неблизкий. Ямщик уговаривал выехать рано утром следующего дня, но Борис уже не мог ждать, неведомая сила влекла его.

Стемнело рано, где-то вдали были волки, и от их воя становилось жутко и тяжело на душе. Подъезжали к имению они уже в полной темноте. В доме было тихо, только в гостиной горел свет.

Борис нетерпеливо позвонил. Татьяна Николаевна, услышав звонок, сама поспешила открыть, сердце ее бешено колотилось, казалось, что должно произойти что-то неожиданное и радостное. Она увидела Бориса, бросилась ему на шею и завизжала от восторга, как в детстве, когда очень сильно чему-то радовалась. Борис тоже был рад, они стояли, тесно прижавшись друг к другу.

Горничная узнала Бориса, она с удивлением смотрела на господ. Все выглядело так, будто это не теща встречала любимого зятя, а молодая девушка после долгой разлуки увиделась с возлюбленным.

Наконец, Татьяна Николаевна дала возможность Борису раздеться и повела его в столовую. Она быстро распорядилась, чтобы организовали ужин и принесли самое лучшее на стол.

Через несколько минут все было готово. Гости угощали соленьями, маринадами и разными наливками. У Бориса кружилась голова и от долгой дороги, и от выпитого, а главное, от близости Татьяны Николаевны. Она была необыкновенно хороша в тот вечер. Щеки покраснелись, глаза горели, с губ не сходила счастливая улыбка. Она слушала Бориса и ничего не могла понять. Голова не просто кружилась, она вихрем летела в немыслимом хороводе чувств.

Борис долго и подробно рассказывал о новостях, отдал Татьяне письмо дочери и мужа, но она даже не взглянула на него, боясь упустить хотя бы миг из разговора с любимым. Борис снова купался в этом море чувств, ощущая свою власть над этой женщиной.

Было уже поздно, когда Татьяна Николаевна спохватилась, что, должно быть, Борис устал и хочет отдохнуть. Она велела постелить ему в комнате для гостей, на втором этаже, где находилась и ее спальня. Прислуга спала на первом, поэтому никто не мог им помешать.

Борис знал расположение комнат, и, как только внизу затихли все шорохи и звуки, он, взяв лампу, тихо отправился в комнату Татьяны Николаевны. Дверь была не заперта. Она ждала его, боясь и одновременно желая этого. Женщина стояла посередине своей спальни в тонкой белой рубашке до пят и вся дрожала, хотя было тепло. Он приблизился к ней и погасил лампу. Теперь только яркая луна освещала их фигуры. «Не надо, – тихо прошептала Татьяна Николаевна. – Не надо, не делай этого, мы не простим себе никогда». Он прижал палец к ее губам и, нежно обняв, стал покрывать лицо, грудь, руки торопливыми поцелуями. Татьяна Николаевна перестала противиться этому большому, сильному и теперь самому близкому для нее человеку.

Они проснулись поздно. Татьяна Николаевна лежала в постели и разглядывала Бориса. У него был вид маленького обиженного мальчика, он о чем-то досадливо говорил во сне. В женщине боролись два противоречивых чувства, как будто внутри спорили два разных человека. Один говорил: «Ну теперь тебе жариться в аду, ты обманула и мужа, и дочь, это страшный грех», на что второй резонно отвечал: «Зато ты никогда в жизни не испытывала подобного наслаждения и теперь будешь вспоминать об этом до конца дней». Победил второй голос. Татьяна Николаевна решила прожить отпущенные ей мгновения счастья, а там будь что будет.

Борис проснулся, удивленно огляделся по сторонам, не сразу поняв, где он и что с ним. Он вспомнил минувшую ночь, сумасшедшую ночь любви, когда невольно сравнивал мать и дочь в моменты страсти, и сравнение шло явно не в пользу дочери.

Обедали поздно, около пяти часов, вновь все было красиво и празднично. После обеда Татьяна Николаевна и Борис вышли в сад. Деревья стояли, запорошенные снегом. Влюбленные гуляли по липовой аллее, а вековые деревья под порывами ветра сбрасывали на них снег, и казалось, будто это свадебный хоровод снежинок.

Татьяна Николаевна говорила, что они просто сумасшедшие, но она никогда не забудет этих чудесных дней, завтра ее именины – двенадцатого января – Татьянин день, и она не представляет более дорогого подарка, чем тот, что сделал ей Борис своим приездом. Она была такая хорошенькая и молодая в своей шубке и капоре, что он обнял ее и сказал: «Я хочу продолжения праздника, пойдем скорее наверх».

Там все безумие прошедшей ночи повторилось с удвоенной силой. Иногда Татьяне Николаевне казалось, что она сейчас лишится чувств, но Борис был неотразим в своем искусстве любви. Время будто остановилось, казалось, что они вот так будут жить до самой смерти в тихой усадьбе, растворившись в этом новом чувстве, как будто вся их предыдущая жизнь была лишь подготовкой к этой невероятной встрече.

Утром следующего дня Борис вспомнил, что по плану должен был ехать еще в усадьбу к отцу, потому как там надо тоже обязательно появиться, да и вообще ему уже пора возвращаться в город, к жене. Татьяна Николаевна заплакала, как девочка, она понимала, что больше у них никогда не будет таких отношений. Теперь она должна всю оставшуюся жизнь вымаливать прощения за эти безумные ночи любви, подаренные ей судьбой!

Борис тоже испытывал чувство вины перед женой, терзался угрызениями совести, но, как любой мужчина, легко уговорил себя, что ничего страшного не произошло, в конце концов, у Татьяны Николаевны есть любящий муж, который ни о чем не догадывается, а у него есть любимая жена, и она с нетерпением ждет его дома. А это всего лишь миг в его судьбе. Он также отчетливо понимал, что сильные чувства, как бабочка, летящая на свет, быстро сгорают и он, вернувшись домой, скорее всего, забудет это милое приключение.

Татьяна Николаевна решила проводить Бориса до станции. В санях они сидели рядом, тесно прижавшись, накрытые теплыми шубами, заботливо взятыми Татьяной Николаевной. Оба понимали, что это конец их любви, она исчерпала себя, они выпили этот бокал страсти до дна, и оба были рады, что все обошлось без каких-то драматических событий. Борис уже думал о работе. Татьяна Николаевна тоже понимала, что их отношения не могут иметь продолжения. Ее волновало только одно: как бы управляющий или кто-нибудь из прислуги не рассказал лишнее Артему Сергеевичу, но до лета было далеко, а сейчас она может собраться и уехать, не дожидаясь приезда мужа.

Они ехали среди развесистых елей, запорошенных снегом, только лучи солнца играли, словно зайчики, по веткам деревьев. В воздухе, несмотря на зимний холод, уже чувствовалось дыхание весны, и это обновление природы было символом начала новой жизни. Сияющая белизна леса и всей природы будто возвращала им чистоту и невинность.

На станции она поцеловала молодого человека в лоб. Борис сел в поезд, равнодушным взглядом окинул Татьяну Николаевну и уехал. Она стояла одна на перроне, потом медленно побрела к саням, ожидающим у станционного здания. Татьяна Николаевна была рада тому очищению души, которое наступило после отъезда Бориса. Как будто она долго и тяжело болела, а сейчас начинает поправляться, кризис миновал, и она счастлива, что осталась жива. Сил еще мало, но она знает, что надо бороться, все безумие прошедших месяцев закончилось, и она свободна от переполнявших мыслей и чувств. Она понимала, что это была даже не любовь, а безумная страсть, сжигавшая их обоих, а теперь все позади, и жизнь входит в нормальную колею.

Татьяна Николаевна еще неделю прожила в имении, много гуляла, приводя в порядок мысли и чувства. Когда она поняла, что все осталось в прошлом и она может спокойно вернуться к мужу, женщина собрала вещи и уехала в город.

Артем Сергеевич был очень рад возвращению жены. Она приехала похорошевшая, отдохнувшая, совсем как в былые дни. Он считал, что смена обстановки пошла ей на пользу, и жизнь вновь вернулась в прежнее русло.

Через месяц Татьяна Николаевна поняла, что беременна. Эта мысль испугала ее, привела в неопишуемый ужас, как будто это была кара Господня за ее поступок. Она не знала, что делать, что предпринять, как избавиться от этой свалившейся на нее ноши. Сначала ей казалось, что она ошиблась и это просто случайность, которая сама как-то пройдет. Татьяна Николаевна боялась признаться Артему Сергеевичу. Они в последнее время редко виделись и спали в разных спальнях. И сейчас эта беременность могла показаться мужу, мягко говоря, странной и неожиданной.

Когда она оставалась одна, ее нередко посещали мысли о самоубийстве, казалось, что это будет таким простым выходом из создавшегося положения. Она боялась пойти к врачу, потому что все тут же стало бы известно супругу. Татьяна Николаевна нашла единственный выход из создавшегося положения – стала чаще приглашать мужа к себе в спальню. Артем Сергеевич решил, что Танюша скучает одна, ей не с кем поговорить. Она стала дожидаться его прихода поздно вечером домой. Сидела, слушала его рассказы о прошедшем дне, а потом в спальне любила его, как когда-то в молодости, про себя моля о прощении.

Артем Сергеевич был счастлив, ему казалось, что они вновь переживают свой медовый месяц, как двадцать лет назад. Время шло. Беременность благополучно развивалась. Теперь и

Артем Сергеевич начал замечать перемены в жене. Она похудела, часто выбегала из-за стола. Артем вновь обеспокоился здоровьем жены и вызвал к ней доктора Илью Соломоновича, который уже много лет лечил и его, и Танюшу, и Ольгу. Илья Соломонович поговорил с Татьяной Николаевной, осмотрел ее и затем, войдя в кабинет Артема Сергеевича, весело сказал: «Ну что же, Артем, поздравляю тебя, ты скоро опять станешь отцом». – «Как отцом? – От неожиданности Артем Сергеевич даже присел на диван: – Не ты ли, старый друг, говорил мне много лет назад, когда я мечтал о сыне, что мы уже не сможем больше иметь детей, и что же случилось теперь?» Тот пожал плечами и сказал, что науке известны и не такие чудеса, но факт беременности Татьяны Николаевны бесспорен, а как поступить дальше – решать им.

Доктор раскланялся и ушел. Артем Сергеевич зашел в спальню жены, обнял ее и, все еще не веря в произошедшее чудо, сказал: «Таня, я так счастлив, ты даже не представляешь, но меня волнует только одно, не вредно ли это для твоего здоровья, ты уже не так молода». Татьяна Николаевна только улыбнулась мужу и успокоила его, сказав, что в ее возрасте крестьянки каждый год рожают нормальных детей, да и что же теперь делать, если так случилось.

Жизнь вновь продолжила свое плавное течение. Татьяна Николаевна расцвела, тошнота уже не мучила, как раньше. Она много гуляла, ходила на выставки, слушала музыку. Артем Сергеевич боялся дышать на свою Танюшу, исполнял любой каприз, старался больше бывать дома, чтобы жене не приходилось скучать.

Никто из близких не знал, что они ждут ребенка, матушка скрывала это даже от Ольги. Лишь Борис, после их тайной встречи совершенно изменивший свое отношение к Татьяне Николаевне и редко бывавший теперь в их доме, обратил внимание, что она как-то изменилась, поправилась. Глаза ее, и без того большие и выразительные, как бы смотрели в глубь души. Она будто жила своей жизнью, слушала и не слышала, постоянно думая о чем-то приятном, лишь одной ей ведомом.

Борис смотрел на Татьяну Николаевну и не мог понять, почему он вдруг стал равнодушен к этой женщине, которая всего лишь несколько месяцев назад вызывала в нем нечеловеческую страсть. Его же отношения с Ольгой были ровными и спокойными.

Однажды ярким, солнечным днем Борис с Ольгой сидели за столом, оживленно обсуждая проблему летнего отдыха. Она как-то загадочно смотрела на него и долго ничего не отвечала на вопрос, куда бы ей хотелось поехать отдыхать. Ольга только тихо спросила: «Ты ничего не замечаешь?» – «Нет», – честно ответил он. Она прижалась к нему и на ухо шепотом, как о страшной тайне, сказала: «Борис, у нас будет ребенок!» Он вскочил, обрадованно посмотрел на жену, обнял ее и спросил: «Ты не ошиблась, это правда?» – «Правда, правда, – смеялась Ольга, – я уже была у доктора, и он тоже подтвердил этот диагноз. Скоро у нас будет маленькая девочка». – «Нет, мальчик, обязательно мальчик, – запальчиво ответил Борис. – Я хочу сына». – «А я – дочь, – возражала Ольга. – Ну да ладно, впрочем, и неважно, – остановила она мужа, – главное, что у нас будет ребенок, поэтому проблема летнего отдыха будет решаться очень просто: мы уедем в имение к маменьке, а к осени вернемся в город, готовиться к родам».

Борис был счастлив и горд той радостью, которая бывает у молодых мужчин, узнавших о желанной беременности своей жены. Это значит, что Покровские могут продолжить свой род, а это едва ли не самая главная задача в жизни молодого поколения. Для них особенно важно, чтобы это был сын, но если рождается дочь, то любят ее ничуть не меньше, а даже больше и горячее, чем сына. Молодой человек стал более чуток к Ольге, переживал за нее и жалел в периоды плохого самочувствия, которое бывает у женщин в начале беременности.

Для Ольги ее новое состояние было и страшным, и интересным. Она боялась и одновременно радовалась предстоящим родам. У нее будет маленькая дочка, которую она будет любить, лелеять, покупать ей платьица и игрушки. Ольга ушла с головой во все эти мысли и жила теперь только своими новыми впечатлениями и ощущениями. Гости уже не волновали

ее, свои музыкальные среды она отменила, сославшись на нездоровье. Единственный человек, с которым она торопилась поделиться своей радостью, была мать.

Ольга давно не виделась с родителями, и она поразились переменам, которые заметила в матери. Татьяна Николаевна сильно располнела, мало двигалась. От той весело хохочущей и щебечущей с милым зятем маменьки не осталось и следа. Девушка обняла мать и сказала, что та скоро станет бабушкой, они с Борисом подарят ей внука или внучку.

Татьяна Николаевна очень обрадовалась, даже заплакала от охватившего волнения. Ольга долго рассказывала о своих новых ощущениях, советуясь с матерью, как ей теперь себя вести, что есть и что носить. Татьяна Николаевна была счастлива за дочь, желая, чтобы в ее семье царили радость и покой.

Наконец, Ольга остановилась и, внимательно посмотрев на мать, спросила: «А что с тобой, почему ты так поправилась?» Теперь Татьяна Николаевна, хитро прищурившись, посмотрела на дочь и сказала: «А у меня для тебя тоже есть интересная новость: скоро у тебя будет брат или сестра!» Ольга даже раскрыла рот от удивления. «Вот это да! – только и сумела она произнести. – Вот так мамулек, вот так сюрприз!» Она обняла мать и продолжала: «Я так рада. Ты даже не представляешь, как это здорово, мы будем вместе гулять с колясочками, вместе воспитывать детей, да они будут просто как брат и сестра, вот чудо!»

Дни текли, складывались в недели, месяцы. Наступило лето. Артем Сергеевич вывез своих «крошек» в имение. Они теперь опять были похожи на двух сестреночек. Обе толстенькие, в свободных платьях. С той лишь разницей, что Татьяна Николаевна чувствовала себя очень плохо, отекала, ее часто мучили боли в пояснице, от которых она не могла избавиться, и женщина старалась все время прилечь где-нибудь в доме или в саду. Ольга же, наоборот, переносила беременность на удивление легко. Она много гуляла, старалась говорить и думать лишь о приятном.

Мужчины по очереди навещали их. Борис резко пошел в гору по служебной лестнице: он теперь был самым крупным специалистом по юридическим вопросам в банке. Часто ездил в Москву и Петербург для оформления крупных банковских сделок со своими клиентами. Артем Сергеевич появлялся в имении чаще и каждый раз привозил кучу гостинцев и нарядов своим девочкам. Его беспокоило здоровье жены. Доктор говорил, что ребенок слишком крупный для Татьяны Николаевны и что, скорее всего, придется делать кесарево сечение, так как ей не справиться самой с родами. Зато дочь радовала его отменным самочувствием. Беременность очень шла ей: черты лица стали более женственными, движения плавными, речь и манеры неторопливыми. Часто их навещали и родители Бориса. Покровских тоже очень радовало, что скоро появится на свет их первый внук.

В город мать и дочь вернулись в сентябре. По срокам Татьяне Николаевне предстояло рожать к концу октября. Ольге же двумя месяцами позже, она готовилась сделать всем новогодний подарок.

Татьяне Николаевне становилось все хуже, казалось, что этот ребенок отнимает все силы, красоту, здоровье. Спать она могла уже только полусидя, никакие туфли не налезали на отекавшие ноги. Доктора очень беспокоились за ее здоровье.

Схватки начались, как всегда, неожиданно и среди ночи. Обеспокоенный Артем Сергеевич послал за доктором. Илья Соломонович осмотрел Татьяну Николаевну и велел срочно везти в больницу. Ему не нравилось все: и то, что ребенок слишком большой, и то, что почки отказываются работать, и то, что тонус матки не такой, какой бывает у двадцатилетних. Артем Сергеевич всю дорогу до больницы сидел рядом и держал жену за руку, уговаривая потерпеть, ведь совсем немного осталось мучиться. Ему уже и не нужен был этот поздний ребенок, если он причиняет такие невообразимые мучения Танюше.

В больнице Татьяну Николаевну переодели и отвели в палату. Артем Сергеевич остался ждать внизу. Доктор уговаривал его уехать, объясняя, что все случится еще не скоро, но Артем Сергеевич даже слушать его не хотел, он рвался к жене в палату.

Врач и акушерка осмотрели Татьяну Николаевну и единодушно решили, что надо делать кесарево. Операция продолжалась недолго, и на свет появился мальчик ростом двадцать дюймов и весом девять фунтов. Сестра спустилась вниз, где все еще сидел Артем Сергеевич. «У Вас сын, замечательный большой и крепкий сын», – радостно сказала она. «Я хочу их видеть, пустите меня к ним», – требовал мужчина. «Нет, – строго сказала сестра, – сейчас нельзя, они оба отдыхают, доктор не велел Вас пускать, приходите вечером». – «А как Таня? Как она себя чувствует?» – «Слаба, – ответила сестра, – была сложная операция, большая кровопотеря, сейчас она спит». Артем Сергеевич шел домой опьяненный. У него – сын! Танюша, такая молодчина, все-таки родила ему сына! Теперь у него есть наследник, которому можно будет передать дела, он продолжит род Воропаевых. Артем Сергеевич поймал себя на мысли о том, что они с Танюшей даже не решили, как назовут малыша, ему бы хотелось назвать его Сергеем в честь своего отца.

Днем его пропустили в палату к жене. Татьяна Николаевна была в забытьи, у нее поднялась высокая температура, она бредила. Мальчик спал рядом в маленькой колыбельке. В кресле у кровати расположилась сиделка. Она только сказала Артему Сергеевичу, что Татьяна Николаевна очень плоха, что она еще не приходила в сознание после родов, она только просит пить и все время зовет какого-то Бориса. Артем Сергеевич сел рядом с женой. Она лежала, закрыв глаза. Рубашка была влажной от пота, на лбу лежало мокрое полотенце, которое заботливо меняла сиделка. Мужчина взглянул на малыша, он спал, забавно чмокая во сне. Он был светловолосый, маленький ротик и нос напоминали ему дочь, когда она была в таком же возрасте. Артем Сергеевич поднялся и вышел из палаты, чтобы пойти поговорить с доктором. Его беспокоило состояние жены.

Врач сидел в кабинете, листая истории болезни. Артем Сергеевич испуганно спросил, что с женой и что надо делать, чтобы ей помочь. Доктор объяснил, что беременность была очень тяжелая, операция тоже сложная, она сопровождалась большой кровопотерей, и что они делают все возможное для Татьяны Николаевны, но состояние остается очень тяжелым. Артем Сергеевич просил: «Вызовите других врачей, сделайте все возможное и невозможное, скажите, какое нужно лекарство. Я готов оплатить все расходы, только спасите жену». Доктор объяснил, что уже был консилиум и Илья Соломонович достал все необходимые лекарства, врачи борются за жизнь его жены. Доктор объявил также, что ребенка они переведут в другую палату, мальчику нужна кормилица, потому что Татьяна Николаевна слишком слаба, она не может сама кормить ребенка. Артем Сергеевич попросил разрешения остаться с женой, доктор сказал, что рядом с ней опытная сиделка и она сделает все лучше, чем взволнованный муж. Но он, уже не слушая, бежал по коридору к жене.

В момент возвращения Артема Сергеевича малыш проснулся и заплакал, чмокая губами и требуя еды. Сиделка взяла его на руки и куда-то унесла. Мужчина ничего не понимал, он видел, что Татьяне Николаевне совсем плохо, и в отчаянии бегал из палаты жены к доктору, прося сделать что-нибудь. Потом обессиленно упал в кресло и, как ребенок, заплакал. Доктор усадил его в кабинете напротив себя и бесстрастным голосом объяснил, что у его жены отказали почки, что делается все возможное, но надежды на спасение мало и надо готовить себя к худшему.

На рассвете, так и не придя в сознание, Татьяна Николаевна скончалась.

Артем Сергеевич вышел из больницы. Он брел по улице в полной растерянности, не осознавая, что его любимой Танюши уже нет в живых. Он даже забыл о сыне, потому что тот явился невольной причиной гибели своей матери. Ему самому не хотелось жить, казалось, что

все перевернулось и он остался один, совсем один в этом мире. Не зная, что делать дальше, он пошел к дочери.

Все заботы о ребенке и хлопоты по организации похорон взял на себя Борис. Ольга пребывала в шоке после смерти матери. Ее пугали собственные предстоящие роды, и она умоляла Бориса не оставлять ее одну. Только уход за маленьким братом, который оказался волею судьбы у нее на руках, отвлекал от страшных мыслей. Мальчика назвали Сергеем, как того хотел Артем Сергеевич. Малышу нашли кормилицу и няню. Это был удивительно милый и спокойный ребенок. Ольга полюбила его как родного сына. Ее умиляло отношение Бориса к этому малышу. Он с такой нежностью и любовью брал на руки этого ребенка, подолгу с восторгом смотрел на него, играя и беседуя о чем-то, только им двоим понятном. Ольге даже иногда казалось, что она улавливает сходство между маленьким Сережей и Борисом.

Артем Сергеевич после похорон ни разу не взглянул на сына, как будто не мог ему простить смерти жены. Он поселился в доме у дочери, стал угрюм, забросил дела, все время сидел в своей комнате, не желая ни есть, ни спать.

Ольга была обеспокоена здоровьем отца. Она пригласила Илью Соломоновича, и тот сказал, что должно пройти время, прежде чем Артем немного успокоится, а сейчас надо быть к нему очень внимательным и прощать все капризы. Ольга так и делала.

Большое горе, обрушившееся на их семью, не могло пройти для Ольги бесследно, и она к концу ноября, на месяц раньше назначенного срока, родила маленькую и слабую девочку, которую назвали Танюшей в честь бабушки. Жизнь постепенно входила в привычное русло. Хлопоты о детях захватили Ольгу целиком. Борису приходилось работать все больше, чтобы не утратить привычного благосостояния. Постепенно и Артем Сергеевич возвратился к своим делам. Время брало свое.

Глава II. Москва златоглавая

Шел крупный снег, он опускался на землю, ложился на деревья, дома, дороги. При свете фонарей улицы казались сказочным видением. Как будто здесь только что проехала Снежная королева вместе со свитой и оставила после себя этот шлейф из снежинок. Где-то вдали раздавался монотонный звук колотушки и скрип шагов по снегу – это бродил сторож.

Ольга сидела у окна, смотрела на реку, скованную льдом, на тихий пушистый снег и вспоминала родной дом, родителей. Ей хотелось заплакать от нахлынувших воспоминаний, но слезы были где-то глубоко в груди, а может, она просто их уже все выплакала. День был праздничный – отмечали крещение. Бориса не было дома. Он теперь подолгу пропадал на работе. Мог появиться и рано утром, и поздно вечером. Их отношения с Ольгой резко изменились. Супруг не вызывал у нее прежнего восторга, а он, никогда особенно и не любивший жены, вообще утратил к ней всякий интерес.

В родном N Борис удачно продвигался по службе, в конце осени они переехали в Москву. Ему всегда хотелось жить в крупном городе, быть богатым, иметь собственный большой дом и ни в чем себе не отказывать.

Январь в тот год выдался на удивление холодным и снежным, в первых числах декабря лег уже толстый слой снега, и стояли такие морозы, будто была уже середина зимы. В Замоскворечье, где они теперь жили, одноэтажные уютные домики тесно прижимались друг к другу. По булыжной мостовой, расчищенной от снега, проносились извозчики с гиканьем и свистом. Около дома заливали каток, и Ольга с детьми с удовольствием каталась на коньках, а вечерами она читала им книжки. В печке трещали дрова, было тепло и уютно.

После продажи имущества в родном N они смогли купить лишь скромный одноэтажный особняк на набережной Москвы-реки. Из прислуги с ними переехала Ольгина горничная Наташа, которая в доме теперь была еще и кухаркой, и уборщицей. Старик Матвеевич тоже последовал за хозяевами, в его обязанности входила теперь вся мужская работа в доме: он был и сторожем, и садовником, и лакеем. О том, чтобы взять детям гувернантку, не было и речи. Ольга сама занималась с ними и музыкой, и рисованием, учила их считать и писать. Дети радовали своей смышленостью. Оба симпатичные, всегда хорошо и со вкусом одетые, на них даже прохожие на улице обращали внимание.

Сначала шум и суета большого города пугали Ольгу, но потом, пообвыкнув, она любила гулять с детьми по московским улицам. Больше всего им нравилось ездить на Тверскую. Они садились на извозчика. Тот, в огромном тулупе, только что спавший, как большой медведь, весь засыпанный снегом, вдруг просыпался и, весело покрикивая на лошадей, мчал пассажиров через мост, мимо Кремля. Там они заходили в Филипповскую булочную, где лакомились пирожными и покупали свежий хлеб для дома, или шли в Елисеевский магазин. Дети с восторгом смотрели на роскошные витрины и расписанный, как храм, торговый зал с огромными хрустальными люстрами, игравшими разноцветными огнями в цветных витражах окон. Ольга часто водила детей в театр и на художественные выставки. Хорошо воспитанные, они вели себя как взрослые, разглядывая внимательно картины или слушая пьесу.

В Замоскворечье было множество церквей. Ольге больше других нравилась «Всех скорбящих радости». Она часто ходила туда и брала с собой детей. Всем нищим на паперти они раздавали по копеечке. И потом, стоя в просторном церковном зале, женщина неистово молила Бога, чтобы он вразумил Бориса и вернул его в семью, просила, чтобы Господь научил ее прощать мужа и любить его как прежде. Дети стояли рядом, притихшие и серьезные, как будто в их детских головах тоже происходило какое-то таинство. Ольга посещала исповеди и причастия, соблюдала посты. Особенно ей нравились праздничные дни, когда церковный перезвон начи-

нался где-то далеко за кремлевскими стенами и постепенно в этот в мелодичный хор включались все новые и новые звонницы.

Птицы шумной гурьбой слетали с деревьев. Этот благовест напоминал ей о спокойной жизни в родном N, где все было близко и знакомо. Душа наполнялась радостью, хотелось плакать, и Ольга не стеснялась своих слез. Они очищали душу, делали терпимее и к мужу, и к детям. Казалось, что все ее несчастья скоро закончатся и опять начнется светлая и радостная жизнь.

Горничная Наташа тихо вошла в комнату. Она всегда жалела Ольгу, видя, как та переживает холодность и невнимание мужа, и пыталась всячески помочь барыне. Дети уже спали. Наташа напомнила Ольге, что сегодня все-таки праздник крещения и у них в деревне все в эти дни гадали. Они достали свечи, растопили их, превратив в жидкий воск. Надо было вылить его в воду и смотреть, какие фигурки получатся после того, как воск опять застынет. Это занятие увлекло обеих. Женщины фантазировали, представляя себе то медведя, то собаку, то петуха, и Наташа подробно рассказывала, что каждое из этих животных означает.

Ольга вспомнила, как они гадали в маменькином имении с помощью двух зеркал: если их выстроить в определенном порядке, поставив перед ними свечи, то можно заглянуть в будущее. Ей давно уже хотелось заглянуть туда, и сейчас волна любопытства захлестнула с новой силой. Ольга достала зеркала, зажгла перед ними свечи и стала пристально всматриваться в гладь. Сначала ей было забавно, но потом какой-то мистический ужас охватил ее, показалось, что она видит Бориса, и он, будто неживой, уходит куда-то вдаль, растворяясь и теряя очертания. Ольге стало жутко от дурных предчувствий, охвативших ее. Внезапно одно из зеркал упало и, ударившись о стол, со звоном разбилось на мелкие кусочки. «Ой, барыня, – запричитала Наташа, – это нехорошо, я не знаю, что Вы там увидели, но примета это плохая». Ольга взяла себя в руки, она и сама испугалась не меньше горничной, но решила отбросить всю эту чепуху и просто забыть о своих страхах.

За окном уже светало. Вся прошлая жизнь, словно видение, проходила перед ней, и она не понимала, сон это или всего лишь воспоминания.

Артем Сергеевич очень тосковал без жены. Он несколько раз в неделю ходил на кладбище. Сидя у могилы Татьяны Николаевны, он о чем-то все время с ней разговаривал.

Через год после смерти жены он тяжело заболел, простудившись в одной из долгих поездок, слег и больше не вставал. Похоронили его рядом с женой.

Маленького Сережу воспитывали Ольга с Борисом. Все думали, что Сережа и Танюша – двойняшки, да и Ольга перестала всем объяснять их родство. Дети воспитывались вместе и даже представить себе не могли, что они не брат и сестра.

Когда они переехали в Москву, там уже никто не знал тайны их семьи, тем более что дети были так удивительно похожи друг на друга и на Бориса. Ольга, когда впервые это обнаружила, гнала от себя всякие неприятные мысли.

Артем Сергеевич умер, так и не узнав тайны рождения сына. Однако Ольга во время одной из ссор с мужем открыто спросила у него, почему маленький Сережа, по сути ее брат, так удивительно похож на ее собственного мужа. Борис в гневе признался, что был влюблен в ее мать, что она тоже тайно любила его, после одной из страстных встреч забеременела, а после родила Сережу, поплатившись собственной жизнью за это безумие.

Ольга просто ошолбенела, когда услышала рассказ мужа обо всем случившемся. Это известие потрясло больше, чем смерть матери. Она не могла понять, как же слепы были они с отцом, если ничего не видели и ни о чем не догадывались все эти годы. После шокирующего признания ей стал крайне неприятен и муж, и светлая память о матери как-то исказилась. Ольга всегда считала мать небесно-чистым существом, а тут вдруг такая грязь – любовные отношения с собственным зятем, кроме того, обман преданно любившего ее мужа. Ольга не могла простить Борису предательства: получалось, что он поддерживал отношения сразу с двумя

женщинами, родившими ему детей практически одновременно. Борис понял, что совершил непростительную ошибку: не надо было говорить обо всем жене. Он не только выставил себя подлецом, но и осквернил память матери, открыв тайну, которую Татьяна Николаевна унесла с собой в могилу.

В Москве его продвижение по службе приостановилось. Нужны были серьезные связи или большие деньги. Борис привык к помощи тестя, но тот умер, отец его был уже стар и слаб, мать тоже ничем не могла помочь. Бориса очень обижало, что он не был вхож в высшие светские круги московской знати. Ему тактично напоминали, что он пусть и хороший, но все-таки провинциальный юрист.

Он мучился, не спал ночами, не зная, что предпринять. Злился на жену, считая, что она своим тихим, незаметным поведением не может привлечь к себе внимания нужных людей и помочь мужу сделать блестящую карьеру. Борису всегда казалось, что он достоин счастливой, богатой и беззаботной жизни. Не в меру честолюбивый, в сложившейся ситуации он не видел пути достижения своей цели. Переезд в Москву как будто превратил Бориса совершенно в другого человека. Ольга не узнавала его. Он приходил домой лишь утром, целыми днями пропадая по своим делам. Постоянно сердился на жену, считал каждую копейку, упрекал за любую мелочь. Управляющий имением Петр Яковлевич аккуратно переводил деньги Ольге на счет в московском банке, но Борис внимательно следил за ним и, если она снимала какую-то сумму, немедленно узнавал об этом, кричал на жену, требуя подробного отчета об истраченных деньгах.

Московская жизнь резко отличалась от той, к которой Ольга привыкла в родном городе. Там в доме всегда было многолюдно, приходили друзья, собирались приезжие знаменитости. Здесь же все Ольгино общество составляли дети и прислуга. Борис не часто выводил жену в свет. Ему казалось, что она слишком скромно одета, слишком скованно себя ведет: сидит обычно где-нибудь в уголке и только внимательно слушает. А ей было просто скучно в обществе тех состоятельных стареющих дам, куда приводил ее муж. Политика ее не интересовала вовсе, в карты она не играла, а пустые разговоры о нарядах и ценах наводили смертельную тоску.

Незадолго до Нового года Борис получил приглашение на бал к генерал-губернатору Москвы, который проходил в его доме на Тверской. Это была высокая честь. Ольга тщательно готовилась к балу. Заказали дорогое красивое платье. Борис сначала переживал, что истратил столько денег, но, когда увидел жену, понял, что с такой красавицей не стыдно появиться в светском обществе.

Они приехали на извозчике, остановились подальше от дома, чтобы было незаметно, что у них нет собственного экипажа. Ольга вспомнила свой первый бал в родном городе, глаза наполнились слезами. Казалось, с той поры, когда она молоденькой восемнадцатилетней особой приехала на такой же новогодний бал с папенькой и маменькой, прошло много лет.

Когда супруги вошли в зал, то от дорогих нарядов, обилия лиц, сверкающих драгоценностей у нее закружилась голова. На балу была не только дворянская знать, но и многочисленное купечество. Они стояли с Борисом растерянные, чувствуя себя чужими, никому не нужными.

Вдруг кто-то окликнул Бориса. Они сразу узнали купца Игнатьева – старого друга Артема Сергеевича, который жил в их родном N. Он тоже перебрался в Москву. Игнатьев только разворачивал свои дела в Москве, и помощь Бориса была ему как нельзя кстати. Они долго обсуждали торговые проблемы, потом пошли в буфет выпить по рюмочке водки за успех общего дела. Ольга осталась одна. Ей вдруг стало так больно и грустно, что о ней просто забыли. Девушка готова была заплакать. Нестерпимо захотелось домой к детям, в привычную обстановку. Она решительно направилась к выходу, нашла свою шубу и уехала, даже не предупредив Бориса.

Тот не сразу заметил отсутствие жены, потому что после буфета был обильный ужин, и только утром, играя в карты, он вдруг вспомнил о ней. Борис закончил игру и поехал к себе.

Он долго выговаривал Ольге, что та поступила некрасиво, неуважительно по отношению к нему, что другие могли бы о нем нехорошо подумать. После этого случая Ольгу он с собой не приглашал.

Дни медленно перетекали один в другой. Жизнь не приносила резких перемен в их размеренное течение.

Борис мало интересовался детьми, поэтому Ольга была для них и отцом, и матерью, и бабушкой, и дедушкой в одном лице. Они очень любили мать и старались ее не огорчать. Зато те редкие часы, что Борис проводил с ними, вспоминались потом как самые счастливые и долго обсуждались чуть ли не по минутам.

Для Бориса самым большим событием года стал прием в члены Английского клуба. Он так гордился этим, что первое время почти все вечера проводил там. По уставу клуба туда не допускались женщины, даже уборщиками были мужчины. Борис же всегда предпочитал женское общество, потому что только женщины внимали ему с упоением и теплотой. Разговоры о политике мало интересовали. Он не состоял ни в каких партиях, не участвовал в акциях протеста. А когда, однажды выходя из трактира, случайно попал в толпу митингующих студентов, которые требовали свержения самодержавия, пытался всеми силами выбраться из нее. Но толпа неумолимо несла его. Он даже попал в околоток с другими участниками, но так испугался и так неистово объяснял свою непричастность к собравшимся, что его быстро отпустили.

Бориса не устраивала спокойная семейная жизнь. Ему всегда хотелось каких-то необыкновенных страстей и приключений. Из головы не выходила мысль, что только необыкновенно богатая женщина может сделать его счастливым. Он стал бывать в домах очень состоятельных людей. Их безграничные возможности возбуждали в нем огромную зависть. Представляя себя на месте хозяина дома, во сне и наяву, он ждал своего звездного часа, твердо веря, что добьется славы и богатства.

Постепенно круг его знакомых расширялся. Богатые стареющие дамы в беседах между собой выделяли этого молодого господина, отличавшегося галантностью и хорошими манерами. Он всюду появлялся один, и это создавало вокруг него дополнительный романтический ореол. Бориса не волновали молодые светские красотишки, он старался сблизиться с женщинами среднего и даже старшего возраста, лишь бы они были очень богаты. Его не интересовали ни внешность, ни манеры – только деньги. Тем более что, служа в одном из крупных московских банков, он был в курсе размеров вкладов своих протеже.

О Борисе заговорили, его стали рекомендовать как опытного специалиста. Он помогал стареющим дамам грамотно вложить деньги и тем самым приумножить и без того солидный капитал. Да и дирекция банка была очень довольна тем, что количество вкладчиков неуклонно растет. Борису же от этих сделок доставались неплохие проценты, но ему казалось, что все это ничтожно мало, что он заслуживает большего. Ему было непонятно, зачем этим старым «грыззам», как он называл про себя клиенток, столько денег. Казалось, что они тратят их на всякую ерунду – собачек, кошечек, которые живут в их домах лучше самого Бориса, да и многих из его знакомых. Если бы престарелые дамы отдали ему свои сбережения, уж он-то нашел им достойное применение.

Борис часто посещал Купеческий клуб на Большой Дмитровке. Он там подолгу сидел с кем-нибудь из клиентов, обедая, как правило, за их счет телятиной, осетрами, расстегаями или поросятами. Ему нравился этот купеческий размах: вино текло рекой, шампанское искрилось в бокалах под звуки цыганских романсов.

Неуемная страсть к деньгам не могла провести молодого человека и мимо карточной игры. Он долгими часами просиживал за картами в ожидании крупного выигрыша, а иногда всю ночь, если заканчивались собственные деньги, мог смотреть, как играют другие. На расвете все ехали дальше кутить или в «Эрмитаж», или к «Яру». Так могло продолжаться по несколько дней. Борису всегда казалось, что удача сопутствует лишь богатым, что деньги идут

к деньгам и если бы он был очень богат, то везение никогда не оставляло бы его. За карточным столом нередко сидели и богатые женщины, они легко проигрывали огромные суммы и на следующий день приходили снова. Борис всегда лучше чувствовал себя в обществе представительниц прекрасного пола, нежели мужчин. Дамы боготворили его, пытаясь любыми способами завоевать внимание красавца. Он же всегда, с легкой полуулыбкой на губах, красиво одетый и галантный, готов был оказать им любую услугу. Играя в карты, он старался выбрать партнершей женщину и тогда выигрывал больше, чем обычно.

Помимо карт Борис пристрастился к скачкам. На ипподроме у него было собственное место в ложе. Он знал в лицо всех жокеев и клички всех рысаков. Но ему редко везло. Он больше проигрывал, чем выигрывал, но эта страсть, этот азарт помогали ему жить. Однако подобные удовольствия требовали денег, и немалых, а того, что он зарабатывал, не хватало на все утехи, ведь надо было еще содержать семью.

Бесконечные домашние проблемы в последнее время раздражали Бориса. Он придирился к Ольге по любому поводу. Тщательно смотрел все счета, обвиняя в том, что она слишком много тратит на еду и на свои наряды. Ольгу же раздражали эти бесконечные необоснованные придирки мужа. Она ждала наступления лета, чтобы супруг смог отправить их в имение.

После отъезда жены и детей Борис вдруг почувствовал себя молодым и свободным. Ничего не обременяло его, семья была далеко, никто не контролировал, можно было делать все что душе угодно. Работы летом тоже было не слишком много: все его солидные клиенты уезжали на отдых.

В Дворянском клубе Борис еще зимой познакомился с одной богатой старой графиней по имени Олимпиада Соломоновна. Она давно овдовела, детей у нее никогда не было. Борис вел ее банковские дела, а она, в свою очередь, была тайно влюблена в этого молодого господина. Это была худая некрасивая старуха с редкими волосами, сутулой спиной и множеством морщин на лице. Но она как будто не замечала своего возраста: носила открытые платья, без меры пользовалась гримом и пудрой. Но ее деньги! Ее богатства – они были как путеводная звезда для многих холостых мужчин любого возраста. Олимпиада Соломоновна понимала все это и жила по принципу: «Хоть день, да мой». Она была достаточно сдержанной в своих тратах, но умела так заинтриговать мужчин своим богатством, что те не могли устоять перед ней. Попался на эту удочку и Борис.

Он сразу понравился Олимпиаде Соломоновне. Она навела о молодом человеке справки. Все отзывы были только положительными. Она прекрасно понимала, что Бориса интересуют лишь ее деньги, но ей нравился этот красивый господин. Олимпиада Соломоновна, как молоденькая девица, легко влюблялась в очередного молодого человека, проводила с ним время, а потом так же легко забывала его и переходила к следующему. Борис не знал об этом, и ему казалось, что это именно та ситуация, которой он так долго ждал, и не воспользоваться расположением этой женщины было бы непростительно и глупо.

Они часто играли в паре за столом и поэтому легко перешли на «ты». Графиня просила называть ее просто Липа. Борису были противны и слащавость, и игривость, не соответствующие ее возрасту, но он знал, какой счет у нее в банке, и мысли об этих миллионах согревали душу. Он думал, что сможет легко и непринужденно очаровать эту старуху, жениться на ней, а потом, похоронив, жить себе припеваючи на ее деньги. Его смущало только одно: несмотря на свой возраст, она была удивительно здоровой женщиной.

Борис теперь встречался с Липой не только в Клубе, их видели вместе и на балах у губернатора, и на скачках. Липа охотно возила с собой Бориса в гости к своим приятельницам, но Борис и из этого умел извлечь пользу. Он заводил новых знакомых, которые быстро становились его клиентами. Мало кого из Липиных друзей удивляли их отношения.

Летом Липа решила ехать отдыхать на воды. Она выбрала Баден-Баден. Надо было поправить здоровье, укрепить нервы. Борис был свободен и на предложение поехать вместе охотно

согласился. Там они много гуляли, она старательно пила воду и ходила на процедуры, назначенные врачом, а вечерами они подолгу сидели в игорном зале.

Борис, как азартный человек, очень пристрастился к рулетке. Эта игра завораживала его. Вечером они с Олимпиадой Соломоновной приходили в затененный зал, где мягкие ковры заглушали звук шагов, где не было часов, а шторы всегда были плотно задвинуты, и только мягкий, приглушенный свет ламп, подвешенных прямо над игорными столами, освещал зал. Столы были покрыты зеленым сукном с нарисованными квадратами цифр, рядом крутился диск рулетки, и только слышен был голос крупье: «Ставки сделаны, господа, ставок больше нет». Все с замиранием сердца ждали, когда остановится шарик, чтобы посмотреть, на какую цифру выпадет счастье. Через минуту после подведения результатов вновь бесстрастный голос извещал: «Ставки сделаны, господа». И так весь вечер, не давая ни минуты на раздумья.

Все большее число людей вовлекалось в этот азартный круговорот. Кто-то выигрывал и получал от крупье новые столбики с фишками и поздравления. Кто-то медленно проигрывал все имевшиеся у него фишки и менял деньги на новые столбики, чтобы вновь и вновь закрывать ими числа. Кто-то сидел и переписывал на бумажку все выпавшие номера, составляя только ему понятную таблицу из цифр, кто-то ставил фишки наобум, рассчитывая на удачу. Игра требовала много средств. Выиграть можно было, если закроешь сразу несколько цифр, но для этого надо было иметь и много фишек.

Борис не торопился начинать игру. Он подолгу сидел за столом или стоял, облокотившись, и смотрел, кто и как играет. Липа не очень одобряла азартные увлечения кавалера, своих денег у него было мало, и часто их приходилось одалживать у нее, пусть это и было слишком унижительно. Она давала деньги, но Борису приходилось выслушать столько нелестного в свой адрес, что в следующий раз ему уже не хотелось просить.

В зале подавали кофе, воду, напитки. Борис наслаждался наблюдением за играющими. Ему нравилась атмосфера игры, казалось, что где-то здесь, в недрах этого игорного стола, таится его удача. Он даже представлял ее себе: такую веселую молодую девицу, розовощекую, с фигурой крепостной девки, круглолицую и стройную.

Все посетители игорного зала были удивительно похожи друг на друга. Они не видели ничего вокруг, их интересовали только вертящийся круг рулетки и шарик. Они молили Бога, чтобы он остановился на нужной им цифре и они бы выиграли. Это был даже не азарт от получения денег, а возможность продолжить игру.

Здесь вершились судьбы людские. Один молодой человек, проиграв все казенные деньги, пустил себе пулю в лоб, так как не смог оплатить долг. Борис, зная свою горячность, играл мало, больше смотрел. Липе было скучно здесь, и она стала все реже приходить в игорный зал, понимая, что выиграть редко кому удастся, а проигрывать она не любила и не хотела. Поэтому Борис отдыхал один.

У него появилась даже знакомая дама, которая приковывала к себе взгляды всех мужчин на курорте, никто не мог пройти мимо, не оглянувшись на нее. Это была известная куртизанка, она приехала в сопровождении своего старого и очень богатого поклонника. Он разрешал ей приходить в игорный зал, хотя сам ни разу не поставил ни одной фишки. Они часто сидели с Борисом, когда девушка отдыхала от игры, пили кофе, разговаривали.

К тому моменту Борису смертельно надоела Липина назойливость, она днем не отпускала его ни на шаг от себя и с радостью пользовалась его услугами ночью, и Борис выбрал игорный зал, где мог хоть какое-то время не видеть Олимпиады Соломоновны. Он терпел все ее капризы, безропотно сопровождал во время прогулок, ловя на себе насмешливые взгляды отдыхающих. Ведь их можно было принять не только за сына с матерью, но и за бабушку, гуляющую в обществе внука.

Борис тяготился этой ролью, понимая, как он жалок и смешон. У него есть семья, молодая, красивая и умная жена, дети, а он, как последний дурак, ходит за этой старухой. Он не раз

заговаривал с Липой о замужестве. Его удивляло, почему, при ее деньгах, она оставалась так долго одна. На что Липа вполне резонно отвечала, что выйдет замуж только по очень большой любви и за очень достойного человека.

Однажды Борис прямо в лоб спросил у нее, а как она оценивает шансы его, Бориса, в каком качестве он видится ей прямо сейчас. Она лишь кокетливо улыбнулась и сказала: «Вы слишком торопитесь, молодой человек, а в моем возрасте женщине следует быть более осмоторительной». Через месяц Борис был уже готов бросить все свои матримониальные планы в отношении этой старухи и уехать домой к Ольге. Тем более что в последнее время он очень скучал по жене и детям, но Липа уговорила его остаться еще, обещая ему все возможные на этом курорте развлечения. Время шло, деньги таяли, а дело не продвинулось ни на шаг.

В один из вечеров, когда они сидели на веранде, Борис обнял ее и сказал: «Ну вот что, дорогая Липа, или я уезжаю завтра в Москву, или ты осенью выходишь за меня замуж». Олимпиада Соломоновна удивленно посмотрела на Бориса и равнодушно сказала: «Молодой человек, Вы, наверное, не поняли чего-то важного в наших отношениях, здесь предложение делаю я, а не Вы, и я еще не готова ответить Вам “да” на Ваши чувства. Ведь вы же любите меня, любите страстно! Ну, говорите же, говорите, гадкий мальчишка!» Борис без особого энтузиазма продолжил объяснение, сказал, что он готов оставить семью и детей ради того, чтобы жениться на ней, но ему нужны гарантии, что она тоже любит его и согласится стать ему женой. Олимпиада Соломоновна с жеманной улыбкой сказала, что давно ждала от него этих слов, она согласна и будет безумно рада выйти за него замуж. Ей только непонятно, как он может говорить о свадьбе с ней, если он не свободен, у него есть законная жена. Вот осенью они вернутся в Москву, Борис разведется с женой, а этот процесс совсем не скорый, и лишь тогда они опять вернутся к этому разговору. А пока ничего не может ему конкретно обещать, так как она, прежде всего, слабая и беззащитная женщина, и ее так часто обманывали мужчины. К тому же Борис молод и красив, а она не так хороша собой, к тому же очень богата. Вероятно, его больше интересуют ее миллионы, а не она сама.

Борис принялся уверять Липу, что он никакой не бандит и не легкомысленный мальчишка. Он – серьезный человек, известный в городе юрист, и ему придется оставить жену и детей, поэтому нужны хоть какие-то гарантии ее любви. Олимпиада Соломоновна картинно прижала свои пальцы к его губам и сказала: «Ни слова больше, нельзя же так агрессивно атаковать женщину, она же не банковский вклад и не страховой полис, чтобы требовать от нее каких-то скучных гарантий».

Борис вернулся в Москву в конце августа, полный решимости развестись с Ольгой, чтобы потом жениться на Липе. Он ехал в имение, обдумывая предстоящий нелегкий разговор с женой. Он думал о своей семье, о родителях. Отец его, Николай Иванович, умер год назад от сердечного приступа, вскоре после свадьбы любимой дочери Анастасии. Анастасия вышла замуж очень удачно, по большой любви, за весьма богатого барина, так что ей не пришлось собирать крупного приданого, о чем в свое время заботился Борис. Девушка вела все дела в родном доме после смерти отца, не очень считаясь с интересами матери. Наталья Дмитриевна подолгу жила в имении у Ольги. Она очень любила внуков, и внуки тоже любили единственную бабушку, которая баловала их больше других. Борис понимал, что ему будет трудно объяснить и Ольге, и матери, почему он уходит из дому, а главное, почему он вдруг надумал жениться на старой, пусть даже и весьма богатой даме.

Коляска Бориса остановилась у ворот. Дети, увидев его, бросились навстречу, обгоняя друг друга. Они радостно повисли на шее отца, крича и призывая всех в доме радоваться вместе с ними. Сергей заметно вырос за лето, а Танюша еще больше похорошела. Борис сразу после смерти Артема Сергеевича оформил опеку над Сережей, и тот, ничего не подозревая, носил фамилию Бориса.

Этой осенью дети должны были пойти учиться в гимназию. Они наслаждались последними днями свободной жизни. Борис привез им кучу игрушек и книг. Он вытаскивал разные коробки, к их огромному восторгу. С умилением смотрел на родные, дорогие ему лица и думал о грядущем презрении, которое ожидает его от жены и от собственных детей. Сейчас же все так радовались встрече. Дети не отходили от отца ни на шаг, перебивая друг друга, рассказывали местные новости, хвастались, что они уже ездили верхом, а маменька страшно за них боялась. Ощенилась его любимая собака, говорили о том, что они часто ходят в лес, а один раз даже заблудились, и теперь маменька их не пускает одних.

Ольга уже шла навстречу мужу. Она соскучилась без него, хоть они и стали часто ссориться в последнее время, но она считала, что это была просто усталость от работы. Она, как и дети, бросилась на шею мужу, обняла его и нежно поцеловала. Она сразу заметила, что он посвежел, загорел, но что-то тяготило его, он боялся смотреть ей в глаза.

Наталья Дмитриевна, счастливая, вышла из комнаты и тоже обняла сына. Она очень любила Бориса и, как любая мать, прощала ему все слабости и причуды. Женщины часто говорили о Борисе, их объединяла любовь к нему, и каждый раз они находили в нем новые положительные качества.

Бориса усадили за стол. Молодой человек был в том приятном расположении духа, которое бывает только по возвращении домой, где тебя ждут и крепко любят. Дети громко говорили, женщины пытались их успокоить, но Борис наслаждался всей этой кутерьмой, вызванной его приездом. За вечерним чаем он рассказывал, что побывал на курорте, на водах. Ему пришлось сопровождать одну очень богатую и важную особу, и у него всего два дня, чтобы побыть рядом с близкими.

Ольга сидела на диване, прижавшись к мужу. Они так давно не были вместе, отдалившись в последнее время друг от друга. Ольга много раз анализировала события их жизни и винила себя в том, что муж стал менее внимателен и заботлив к ней и детям. Она считала, что была слишком нетерпима к его плохому настроению. Сейчас же, сидя рядом с любимым мужем, Ольга отдыхала, блаженствуя.

Было уже поздно, детей отправили спать. Они долго не хотели уходить, потому что еще не все успели рассказать любимому папочке. Наталья Дмитриевна, устав за этот хлопотный и шумный день, отправилась к себе. Ольга и Борис остались одни в спальне. Борис не знал, как начать трудный разговор, вдобавок он так соскучился по настоящей женской ласке и любви, что просто забыл обо всех своих проблемах.

Эта ночь любви по силе своей страсти была сродни той, что он пережил зимой в этом имении с Татьяной Николаевной. Он проснулся поздно. Ольги не было рядом. Борис выглянул в окно: жена и дети весело резвились на лужайке возле дома, играя в чехарду с соседскими ребятами. Ольга разругалась от быстрого бега и выглядела совсем как девочка. Борис невольно залюбовался ею и детьми. «Может быть, и не надо менять ничего в жизни?» – думал он теперь. Ведь он так любим этой женщиной, и стоят ли все богатства мира его собственной семьи? Он своими руками разрушает это счастье. Но мысли о богатстве, о тех миллионах, что лежали в банке на счету Олимпиады Соломоновны, и та жизнь, которая может быть у него, обладая он этим богатством, не давали ему покоя. Почему у Ольги нет такого состояния? Почему он поторопился, женившись на ней? Вот теперь он должен менять свою жизнь. По его мнению, выходило так, что все были виноваты в его проблемах, но только не он.

После завтрака дети позвали его купаться. Они все весело резвились в теплой воде пруда, не подозревая о том, что так мучило Бориса. Сережа научился плавать и старательно демонстрировал отцу свои успехи. Танюша весело плескалась у самого берега. Ольга с тихой радостью смотрела на детей и мужа, думая о том, что вот наконец-то счастье вернулось в их дом, и теперь все у них будет хорошо и спокойно.

Был конец августа, жара уже спала. Солнце грело тепло и ласково. Но в воздухе уже чувствовалось приближение осени. Так бывает в конце лета, когда еще все расцвечено зеленью, но в порывах ветра, движении облаков по небу уже ощущаются те осенние ноты, которые так волнуют душу, напоминая о том, что все хорошее и радостное так быстротечно и не за горами холодная зима, а там опять ожидание следующего лета. Ольга сидела в кресле на берегу, и в тот момент ей хотелось только одного: чтобы этот день никогда не кончался, чтобы всегда было лето и чтобы Борис вот так весело резвился с детьми.

Борис решил поговорить с Ольгой после обеда. Они шли по саду, взявшись за руки. Он вел ее к той самой беседке, где они договорились всегда обсуждать самые главные проблемы своей жизни и где восемь лет назад он сделал предложение. Ольга села на скамью, нехорошие предчувствия одолевали ее. Она видела ночью страшный сон и теперь боялась, что он сбудется. Это беспокоило и тревожило. Борис, стоя перед ней, начал свою речь издали. Он говорил, что он слабый и плохой человек. Он не достоин ни Ольги, ни детей, что он часто не знает и сам, чего же он хочет от жизни. Ольга слушала, не перебивая. Борис подробно рассказывал о своих недостатках и наконец перешел к главному, сказав, что очень виноват перед ней и детьми, но обстоятельства сложились так, что он должен оставить семью и уйти к другой женщине.

Ольга побледнела, но ничего не говорила. «Лучше бы она кричала, ругала меня», – думал Борис. Но Ольга только спросила: «Кто она?» Борис ответил: «Ты ее все равно не знаешь, но напрасно ты думаешь, что она молода, хороша собой. Оля, она всего лишь очень богата, а ты знаешь, я всегда хотел жениться на очень состоятельной женщине, я мечтал ни в чем себе не отказывать, купить огромный роскошный дом, ездить по всему миру, играть в карты – одним словом, ощущать собственную полную свободу и власть над другими людьми. Оля, только деньги могут дать эту власть. Я не смогу сам достичь таких высот, а помочь мне некому, остается только одна возможность – жениться на богатой». – «А как же я, как дети?» – тихо спросила Ольга. «Мы разведемся, я устрою все легко и быстро, я оставлю вам дом в Москве и ежегодную ренту, а взамен прошу у тебя только одного – собственной свободы».

Ольга слушала и ничего не понимала. Или она сошла с ума, или мир перевернулся. Только сегодня ночью они были близки, как могут быть близки только страстные любовники, а теперь муж говорит с ней о разводе. Он оставляет их ради какой-то старой и страшной женщины, которую она не знает и не желает знать. У Ольги кружилась голова. В этой жизни у нее кроме детей оставались только два близких человека – это Борис и Наталья Дмитриевна, и вот Борис хочет уйти, бросить, предать ее. Ольга порывисто встала и сказала: «Детям я все объясню сама когда-нибудь, не сейчас, а тебя я прошу рассказать все Наталье Дмитриевне и сегодня же уехать в Москву». Она вышла из беседки и торопливыми шагами пошла к дому.

Разговор с матерью был проще и короче. Он сказал ей, что полюбил другую женщину и хочет жениться, а женитьба на Ольге была ошибкой в его жизни. Наталья Дмитриевна тоже не смогла скрыть своего удивления, но мать есть мать, она успокоила себя тем, что так Борису будет лучше, что мальчик и так переживает разлуку с семьей, и не надо упрекать его ни в чем. Раз он так решил, значит, так надо. Она только благословила его и тихо заплакала.

Борис уехал, не дожидаясь ужина, он коротко попрощался с детьми, сказав, что у него много дел в Москве и скоро они опять увидятся, потому что им надо будет идти в гимназию.

После отъезда мужа Ольга заперлась у себя в спальне и два дня не спускалась вниз. Наталья Дмитриевна и дети очень беспокоились за нее, но она сказала, что плохо себя чувствует, что ничья помощь ей не нужна, она ничего не сделает с собой, что ей просто необходимо самостоятельно справиться со своей бедой. Дети ничего не понимали. Наталья Дмитриевна только сказала им, что родители поссорились и маменька тяжело переживает это, но скоро все образуется.

Через два дня Ольга спустилась к завтраку. Это была уже совсем другая женщина: взгляд ее потух, был обращен куда-то внутрь себя, а на лице было выражение страдания и боли. Надо

было что-то делать, как-то жить дальше, искать средства, чтобы учить детей, да и просто кормить семью. Ольга решила, что, если Борис так с ними поступил, надо просто вычеркнуть его из своей жизни.

Она переговорила с управляющим, подробно расспросила его о делах в имении, какие виды на урожай пшеницы и смогут ли они выгодно продать ее. Она объяснила, что ситуация в семье резко изменилась и теперь ей придется содержать всех на собственные средства, ни на кого не рассчитывая. Петр Яковлевич выложил перед Ольгой все бумаги и начал подробно и понятно объяснять все тонкости ведения хозяйства. Порядок во всех бумагах был образцовый, и она поняла, что управляющий делал все, что в его силах, чтобы приумножить их капитал. Он объяснил ей, что и как они могут сейчас продать, чтобы выручить больше денег.

Ольге было необходимо уехать на несколько дней в свой родной город. Детей она оставила с Натальей Дмитриевной.

Утром она пришла на могилу родителей, рассказала им о своей горе и долго и безутешно плакала, как будто они могли ей чем-то помочь или успокоить. С кладбища она шла уже уверенной походкой человека, знающего, что и как надо делать дальше.

Женщина встретила с близкими друзьями отца, те охотно помогли и советом, и деньгами. Ольгу интересовало, сколько она сможет получить за дом в Москве и что она сможет купить на вырученные средства в родном N. Получалось, что можно будет купить неплохой дом в центре, и еще останутся средства. Ей объяснили, что, поскольку дом в Москве покупал Борис на свое имя, им надо оформить ряд бумаг, чтобы перевести дом на нее. Ольга охотно вникала во все подробности, ей даже начинала нравиться эта новая жизнь. Нравилось решать все проблемы самой.

Она вернулась в имение совершенно другой: это была решительная, деловая женщина, которая сможет защитить себя и детей. Их отношения с Натальей Дмитриевной несколько не изменились, несмотря на то что она была матерью ее бывшего мужа. Она рассказала ей, что решила уехать из Москвы, купив дом в родном N, и предложила Наталье Дмитриевне жить с ними. Та сразу и охотно согласилась. Все вопросы с переездом надо было срочно решать, потому что детей ждала учеба в гимназии.

Приехав в Москву, Ольга потребовала от Бориса как можно быстрее перевести дом на ее имя. Все было сделано в течение двух недель, после чего она быстро и очень выгодно продала этот дом, к немалому удивлению Бориса. Он не ожидал от Ольги такой деловитости. Да и вообще он просто не узнавал свою жену. От прежней тихой, восторженной барышни не осталось и следа, перед ним стояла решительная женщина с твердым взглядом, умная и знающая все тонкости законов о продаже недвижимости.

Дело было сделано в рекордно короткий срок. В родном городе ей уже подобрали уютное жилье, оставалось только переехать. Все вещи были собраны. Ольга прошла по пустым комнатам, прощаясь с домом, который так и не успел стать для нее родным и близким, и с той своей прежней жизнью, в этом месте проведенной. Для нее начинался совершенно новый этап, не на кого было больше надеяться, оставалось только рассчитывать на собственные силы и умения.

В сентябре дети пошли в гимназию. Танюша – в ту самую, где когда-то учились Ольга и Татьяна Николаевна, а Сережа – в мужскую.

Ольга с упоением занялась благоустройством нового дома, в ней снова проснулась хозяйка. Она контролировала ремонт дома, устраивала комнаты, будучи и архитектором и дизайнером одновременно. В доме было тихо и уютно, он выходил окнами на небольшую малолюдную улочку. Около дома была лужайка и несколько плодовых деревьев. Во дворе детям сделали качели и построили маленькую беседку, где летом можно было пить чай.

Постепенно жизнь налаживалась. Ольга почувствовала какую-то внутреннюю свободу и раскованность, поняла, что сможет сама распоряжаться собственной судьбой и поставить на ноги детей.

Борис был удивлен той расторопности, с которой его бывшая жена все организовала. Ольга отказалась от всякой материальной помощи с его стороны. Ее долей в наследстве был только этот московский дом, больше им делить было нечего, потому что имение Татьяны Николаевны было завещано ей еще до свадьбы с Борисом, а все остальное они продали перед переездом в Москву.

Получалось, что больше ничего не связывало ее с бывшим мужем. Борис только просил у нее разрешения хотя бы изредка навещать детей, на что Ольга ответила резким отказом, объяснив, что для нее будет слишком тяжело видеть у себя бывшего мужа. В доме она убрала со стен все его фотографии, Наталью Дмитриевну просила не упоминать о нем, а детям объяснила, что Борис уехал в очень далекую командировку и будет дома не скоро.

Пока оформляли развод, Борис то жил в Москве у своих приятелей, то снимал квартиру или номер в гостинице. Олимпиада Соломоновна знала о его разводе с женой, но замуж не спешила. Она как-то постарела за этот год, ее стали одолевать болезни. Она разрешила Борису переехать к ней только через полгода, но их жизнь меньше всего походила на жизнь двух влюбленных. Липа строго контролировала все расходы в доме. Она экономила на еде, и Борис часто чувствовал себя голодным в ее доме.

Положение мужчины в свете было незавидным. Все видели и понимали, что целью его предстоящей женитьбы были деньги, и только деньги. Многие смотрели на него с жалостью, другие просто осуждали за то, что он бросил двоих детей и красавицу жену ради этой старухи. Только Липа была довольна, она чувствовала себя молодой девушкой, одевалась в какие-то немыслимые наряды, выглядела смешно и нелепо, требуя, чтобы Борис был постоянно при ней.

Свадьбу назначили на конец декабря. Они должны были пожениться и уехать потом в Венецию – город всех влюбленных. Борис настаивал на заключении брачного контракта, но Олимпиада Соломоновна резонно спросила: а что он как будущий супруг вносит в копилку их совместного счастья? Получалось, что ничего, и поэтому вопрос сам собой отпал.

Липа хотела сначала устроить пышную свадьбу, но разум победил, она решила не бросать деньги на ветер. Гостей было совсем немного. Липа была в дорогом подвенечном платье с фатой, Борис – в строгом черном фраке. Это зрелище было нелепо, смешно и одновременно трагично. Красивый здоровый мужчина, а рядом накрашенная старуха с декольте, морщинистые руки скрывали длинные белые перчатки.

К счастью для Бориса, он мало знал Липиных друзей, а его приятелей на свадьбе не было и вовсе. Гости откровенно смеялись и злорадствовали, но Липа была так счастлива и так по-детски верила в свою неотразимую красоту, что гостям не оставалось ничего другого, как играть свои серьезные роли в этом спектакле.

Прямо из-за свадебного стола «молодые» уехали в Италию. Борис вспоминал, что вот так же восемь лет назад они с Ольгой ездили в свое свадебное путешествие. Он все чаще думал о детях, ругал себя, но желание стать богатым пересиливало, и он возвращался к ненавистной Липе, выполняя все ее прихоти.

Они остановились в недорогом отеле, сэкономили на всем. Липе было жаль попусту тратить деньги. У Бориса все чаще было ощущение, что он женился не на миллионерше, а всего лишь на ее экономке.

Вернувшись в Москву, Липа простудилась и заболела: сказала перемена климата. Она долго и тяжело болела, не жалея денег на врачей и лекарства. Постоянно требовала, чтобы Борис находился рядом с ней. А он уходил утром на службу и возвращался как можно позже. Объяснял ей, что на работе много дел; она ругала его, обвиняла в невнимании, требовала, чтобы он не отходил от нее ни на шаг. Бориса это уже порядком раздражало, тем более что бывшие друзья открыто смеялись над ним. Его репутация несколько ослабла. Грела одна лишь мысль, что старухе недолго осталось жить на этом свете, и он станет счастливым и богатым.

Олимпиада Соломоновна умерла весной. Это случилось ранним утром. Борис проснулся и сначала не мог понять, почему так тихо. Он зажег лампу, подошел к Липиной кровати, та неподвижно лежала. На лице была не то полуулыбка, не то полуусмешка. Борис испуганно отпрянул, он впервые видел так близко покойника. Он зазвонил в колокольчик, призывая прислугу, и выбежал из комнаты, не зная, что делать дальше. Как будто это он был виновником ее смерти и сейчас его заберут в участок.

Послали за доктором. Доктор констатировал смерть, выписал все необходимые документы, прислал нужных людей, чтобы омыли и одели покойницу, позвал священника.

Все заботы по организации похорон пришлось на Бориса. Никто из родственников не помог ему ни деньгами, ни участием. У Липы было заранее куплено место на кладбище. Он знал, где она хранила эти документы, но все остальное было для него большой проблемой. В чем хоронить, кого звать на поминки. К счастью, родственников приехало немного: были только племянник и племянница, которые много лет не виделись с тетушкой. Да несколько человек из прислуги, которые уже так давно жили у Олимпиады Соломоновны, что стали членами семьи. Бориса больше всего волновало завещание, оставленное Липой. Адвокат должен был его зачитать сразу после похорон в присутствии всех родных и близких покойной.

Люди собрались в гостиной, они сидели тихо в траурных одеждах, но без тени траура на лицах. Борис очень волновался, здесь, как в картах ва-банк, было поставлено все: семья, дети, жена, надежда на успех, его будущее, наконец. Нотариус неторопливо развернул завещание, огласив, что все предыдущие не имеют силы, а значимо только это последнее, принялся читать. Из завещания стало ясно, что все деньги старуха завещала своим племяннику и племяннице строго пополам, дом и вся мебель достались любимой горничной и старику камердинеру, также пополам, а своему любимому мужу Борису она завещала двести рублей, чтобы он мог покупать цветы и класть ей на могилу, и свою неземную любовь.

Бориса чуть не хватил удар. Он больше истратил на эту старуху собственных денег, и теперь его просто обманули, надули, как последнего дурачка. Он потребовал еще раз прочитать завещание, сам несколько раз внимательно перечитал документ, спросил, не оставались ли еще какие-то бумаги, но нотариус лишь бесстрастно улыбнулся на все его призывы, объясняя: «Вы, батенька, и сам юрист, прекрасно знаете все наши законы».

Племянники не скрывали своей радости по поводу получения наследства. К Борису подошла только пожилая горничная и предложила оставаться в этом доме, пока он не подберет себе другого жилья. Борис был подавлен, потрясен. Его, как собаку, выбросили из дома. Все его надежды рухнули, как карточный домик. Он вдруг понял, что остался один, без денег, без семьи и без жилья. От ярости у Бориса постоянно болела голова, он не мог есть, пить. Друзья боялись, что он тронется умом, и поместили его в хорошую клинику. Через две недели Борис вышел оттуда, немного успокоившись, с намерением начать новую жизнь.

Глава III. Последнее письмо

Почту принесли, как обычно, после завтрака. Внимание Ольги привлек большой пакет. Она разорвала конверт, руки почему-то дрожали. Улыбнувшись, она прочитала первые слова: «Милый друг!

Я пишу это письмо и думаю о том, что сегодня исполнилось ровно девять лет, как мы впервые встретились с тобой. Это не круглая, но все-таки дата. Девять лет постоянной переписки, радостного общения, я не говорю о чем-то большем, что связывало нас. Я боялся признаться себе, а уж тем более тебе, что любил все эти годы только тебя одну, и, наверное, именно это чувство согревало мою душу, позволяло жить, писать, страдать, надеяться и верить, что когда-нибудь настанет день, я буду смел, а главное, свободен, чтобы сказать тебе о своей любви. Это слово слишком часто употребляется в литературе, оно затерлось, потеряло первоначальный смысл, утратило ту нежность, которая ему присуща. Я думаю, что любовь и дружба – это слишком сильные чувства и надо иметь огромный талант, чтобы любить или дружить. Мы талантливо дружили все эти годы, а сегодня я как бы подвожу некий итог нашим отношениям. Что изменилось во мне или в тебе? Я по-прежнему женат, по-своему люблю жену и детей и никогда их не оставляю, ты это прекрасно знаешь. Почему же вдруг именно сегодня я решил открыть тебе душу, не рассчитывая на взаимность с твоей стороны и ответные признания? Все дело в том, что я ухожу на фронт и, может быть, не смогу больше писать тебе, да и ты не сможешь отвечать мне. Ты удивишься, испугаешься, расстроишься, будешь переживать за меня, но я делаю это вполне осознанно. Да, я совершенно не пригоден к военной службе, никогда не держал в руках оружие, плохо представляю, как люди воюют. Да, для меня совершенно противоестественно убивать. Я хочу давать жизнь: детям, книгам, картинам. Но я не могу сидеть в стороне и быть простым наблюдателем того, что происходит. Мне, как художнику, надо быть в гуще событий, чтобы лучше понять, что происходит со мной, с моей страной, со всеми нами. О моем решении вступить в армию не знает никто, даже моя жена. Я тебе первой пишу обо всем, потому что, когда ты получишь мое письмо, я буду уже так далеко, что никто и ничто не заставит меня переменить своего решения, поэтому моя сегодняшняя исповедь посвящена тебе, и только тебе, милый моему сердцу человек...»

Ольга отложила письмо. Она вспомнила свою первую встречу с Георгием. Прошел год, как она уехала из Москвы, продав там дом.

Однажды, придя домой, она увидела за столом незнакомого молодого человека, который при первом же взгляде привлек к себе внимание. Внешне он был некрасив, но черные глаза его горели каким-то нечеловеческим блеском. Он был высок и худощав. Ольге представился просто: «Георгий Новиков».

Он приехал в их город с друзьями-художниками. Они привезли свои работы на выставку и остались здесь еще работать. За столом он увлеченно рассказывал о жизни в Петербурге, упомянув о том, что у него есть жена и маленький сын. Ольга весь вечер не сводила с него глаз. Это было как наваждение, как гипноз. Этот человек притягивал ее, словно магнит.

Через несколько дней было открытие выставки, и она впервые увидела его работы. Сначала она ничего не могла понять, ведь его работы были так не похожи на картины, виденные ею ранее. Здесь не было привычных для сердца пейзажей и натюрмортов. Его живопись была необыкновенно яркой, декоративной. Сюжет не сразу становился понятен для зрителей, только приглядевшись, можно было вникнуть в суть. Картины будоражили душу, заставляли взглянуть на окружающую действительность другими глазами, призывали думать, рассуждать, философствовать. Георгий сказал, что его работы нравятся далеко не всем, но сам он получает колоссальное удовольствие от своего творчества.

Ольга неторопливо осматривала выставку, много было новых незнакомых имен, чьи работы заинтересовали ее. Вечером она пригласила всех на ужин. Ольга уже пришла в себя после отъезда из Москвы, дом вновь был полон гостей. Здесь, как и в былые годы, собирались художники и музыканты, писатели и поэты. Было весело и шумно, гости много спорили, не слушая друг друга.

В то время в искусстве появилось новое направление – модерн, его приверженцы отрицали старую академическую школу, пытались найти свои пути и решения. Георгий очень аргументированно доказывал Ольге, что столь любимая ею реалистическая школа живописи давно устарела, что надо идти другой дорогой, пытаться не просто фотографировать действительность, а отражать ее через призму собственного мировоззрения. Ей многое было непонятно из его слов, но она слушала очень внимательно. Она вдруг поймала себя на мысли, что ей интересно рядом с этим человеком, хочется поехать с ним на этюды и вообще пойти за ним на край света. Ее испугала вспыхнувшая влюбленность. Она впервые после разлуки с Борисом вдруг почувствовала себя женщиной, ей показалось, что и Георгий проявляет к ней особый интерес, ему хочется объяснять и рассказывать что-то ей, и только ей.

В тот вечер они проговорили до утра. Гости уже давно разошлись по своим комнатам, они же сидели в гостиной у остывшего самовара и говорили, говорили, как будто давно не видевшиеся друзья, которые торопятся рассказать друг другу обо всех тех событиях, что произошли с ними до этой встречи. Георгий слушал внимательно, не перебивая, он вообще умел слушать.

Вернувшись в родной город, Ольга почувствовала необыкновенный прилив сил. Будто родные стены и впрямь помогали ей. Казалось, что все последние годы она просто спала безмятежным сном, а теперь проснулась и поняла, что жизнь продолжается. Ей приходилось самой решать массу проблем: как содержать семью, как приумножить капитал. Она не могла простить Борису его измены и поняла, что должна навсегда забыть этого человека. Лишь Наталья Дмитриевна изредка напоминала ей о муже. Ольга была в курсе всех событий его жизни. Она знала, что он женился на богатой старухе и теперь ждет ее смерти, чтобы завладеть деньгами. Ей было и больно, и обидно, что она любила столь ничтожного человека.

Борис ни разу не появился в их городе с самого переезда из Москвы. Он писал матери подробные письма, где разукрашивал свою жизнь самыми яркими красками. У Ольги сначала все это вызывало лишь ярость, но потом, по прошествии времени, боль улеглась, душевные раны стали затягиваться. Множество новых дел отнимало все свободное время, и она стала понемногу забывать Бориса. Но дети... они помнили и любили отца.

Ей все труднее приходилось объяснять им, почему у их сверстников по гимназии есть и мама, и папа, и дедушка, и бабушка, а у них только мама и бабушка. Сначала Ольга говорила, что папа уехал в далекую командировку. Они верили, бабушка читала им отрывки из писем, где он писал, что очень скучает по детям, матери, жене. Ольга просила через Наталью Дмитриевну, чтобы он не посещал их и не виделся с детьми, да и сам Борис не очень-то рвался к общению с ними.

Ольга активно занималась делами. В ней будто проснулись отцовские купеческие гены. Друзья отца охотно помогали ей. Оставшихся от продажи московского дома денег хватило на то, чтобы вновь выкупить отцовский магазин готового платья. Ольга училась и бухгалтерии, и умению вести дела. Столь ненавистная ей математика, которая так пугала в гимназии, стала теперь любимым занятием. Она заключила ряд удачных сделок, получила большие проценты. Дела в имении тоже шли хорошо и давали немалую прибыль. Будто сама судьба помогала ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.